

Испанская поэзия въ XVI столѣтїи.

Введение.

Испанская поэзия (въ XVI столѣтїи) вошла въ кругъ новѣйшихъ европейскихъ литературъ не раньше XVI столѣтїя. Географическая изолированность Пиренейскаго полуострова и своеобразіе его негоръ въ средніе вѣка вообще соодушили испанскому народу неоспоримый характеръ національной замкнутости. Но съ момента соединенїя раздѣльныхъ до того времени королевствъ Кастилии и Арагоніи и покоренїя Гранады; послѣдняго мавританскаго государства на полуостровѣ, наступила и для Испаніи новая эра. Абсолютная монархія, преодолюющая средневѣковую сословную самоудержательность, открытіе Америки и связанныя съ нею великія заокеанскія завоеванїя, насильственное дованіе испанской короны, въ началѣ столѣтїя, Карломъ V, повелитель вселенной монархїи, который умѣлъ брать въ расчетъ своей политики не только знаменитѣйшихъ лицъ въ имперїи, но и входившіе въ ея составъ народы, наконецъ завоеванїе италїанскихъ провинцій и вѣдѣе захватъ неизбѣжно проявившееся влїяніе тогдашней высокой италїанской культуры на испанцевъ, — все это влѣкъ помогло испанскому народу, въ теченїе первыхъ десятилѣтїй XVI вѣка,

вспышки изъ своей обособленности и прикнѣже живое участие въ умственномъ движеніи новаго времени.

Въ каждой странѣ, занявшей погезное мѣсто въ ряду другихъ странъ, достигшихъ высшихъ ступеней культуры, эпоха созданія неувѣдающихся про., изведеній художественнаго зворисева ^{почти} всегда совпадаетъ съ эпохой національной славы. Причина этого явленія очевидна, ибо энергія и усиленная дѣятельность, составляющая въ такой эпохи основ. ной чертой народнаго характера, ищетъ себя естественнаго исхода и въ литературу, преимущественно въ поэзію и красноречіе, когорья, нося на себѣ печать возбужденнаго созодной одисева, сра, поваясь образцами для будущаго, достигая мѣры впрочемъ лишь въ эпохи подобнаго же подъема народнаго духа. Такъ напр. въякъ Перикла въ Греціи были естественнымъ результатомъ персидскихъ войнъ, въякъ Авгуца въ Римѣ непосредственно слѣдовала за всеобщимъ замиреніемъ, заключившимъ собою эпоху всемірнаго владычества рим., а въякъ Колгера и Маркозуена совпала съ эпохой великаго національнаго могущесева Франціи, когда Людовикъ XIV двинулъ форпозы своего окрѣпшаго государства далеко въ глубь Германіи, а эпохи Элизаветы и Анны въ Англіи были эпо.

хали неподвижной армады и блестящую побѣду герцога Малюбу (Malvotouck). —

Тот же самый был и въ Испаніи.¹⁾ Вѣдѣніе Гранады составляло центральную точку всей испанской пероріи. До этого рѣшительнаго событія, въ продолженіе почти восьми вѣковъ испанцы вели себя дома бойну, разбившись у нихъ нудель бижъ и зѣмельныхъ испанціи закои запасъ энергіи, какого мы не находимъ въ эту эпоху въ осязательной Европѣ. Лишь только послѣдняя уверданъ мавровъ пала, какъ зрѣвъ накопленный вѣками запасъ энергіи внезапно хлынулъ съ горъ, за предѣлами козорыхъ отъ долгое время замся и грозилъ заронитъ содоту муршиа области цивилизованнаго мѣра. Менте только Фридриха муръ оръ роду Карль V, унаследовавшій, кромѣ Испаніи, Неаполѣ, Сицилію и Нидерланды, Карль V, въ сокровищницы козорого сжали уже приливае сказочная богатства обѣихъ Индіи, были изъ брате императоровъ германскихъ и началъ рядъ завоеваній, неслыханныхъ со временъ Карла Великаго. Успѣхъ и слава, казалось, шли до предаловъ независимой испанцавъ Турции; въ Африкѣ отъ занялъ Тунисъ и держалъ въ сракахъ весь барварскій берегъ; въ Америкѣ его смелые полководцы Кортезь и Пизарро завоевали ему сѣрака,

¹⁾ за исключеніемъ Гибралтара

обширность козоровъ далеко оставила за собою жезъ Александра Македонскаго, тогда какъ съ другой стороны окръжи его перешагнули Тихий Океанъ и простиралась до Филиппинскихъ острововъ; словомъ, влiдiе его обнимало собою весь миръ.

Такую блестящую перспективу всемирнаго владычества представлялъ каждому образованному и мечтательному испанцу первой половины XVI вѣка судьба его родины. Орлооски этого вѣдства весьма часто возвращаются въ испанской литературе въ продолженiе цѣлаго столѣтiя, но нигдѣ они не выражены съ такою проозой и второй, какъ въ со, перъ Эрнандо де Акунса — воина и поэта, весьма любимаго Карломъ V — въ козоровъ отъ возвыща, еръ миру утѣшительную вѣсть „о скоромъ наступленiи отъищнаго недолго времени, когда будетъ одинъ монархъ, одна имперiя и одинъ перъ (Ми монакса, ии Эмперiо у ина Эрада)“¹⁾ Впрочемъ Кристоваль де Меса являлся еще болѣе прооздци, нымъ, какъ какъ случя явредеть мръ отъ возвыща, щаетъ, что католическая всемирная монархiя уже настала при Филиппѣ III.²⁾ Но самое замѣчательное развитие этой идеи находится въ сочиненiи П. Масо Кампанеллы „De monarchia Hispanica“³⁾ гдѣ въ приложенiи обсуждается вопросъ, желательна-ли

1) Сл. Poesias, Madrid, 1804. p. 214.

2) Сл. Restauracion de España, Madrid, 1607. Canto I, s. t. 7.

3) Уздано Amsterdam, Elsevir, 1640.

булла въ Вирденбергъ; и окончилась Везфрайтская
мирою. Правда, въ продолженіе ея юрицахи мѣзь,
проекшихъ между двумя крайними пунк-
тами, Испанія находилась вдали отъ мѣзь, на ко-
торыхъ происходили самая отчаянная схватки,
ознаменовавшая эти войны за вѣру, но какъ горь-
ко принимали испанцы въ сердце Борьбу казали,
цизна съ прогесанцизмомъ видно изъ того, съ ка-
кимъ ожесточеніемъ сражались они противъ угрозе,
французскихъ князей въ Германіи, какія усилія они
дѣлали для подавленія прогесантскаго мѣзена
въ Нидерландахъ; Это видно изъ снаряженія не,
подъвигной армады въ Англію и вѣтмаркесенва
Фриллита II во французскія дѣла при Генрихѣ III
и Генрихѣ IV, когда казалось, что прогесанцизмъ
прогне возворился во Франціи; короче, это дока-
зывается появленіемъ испанскихъ войскъ во всякъ
концахъ Европы, вѣтуду, гдѣ уоиско можно было
нанести ущербъ реформации.

Само собою понятно, что народъ, котораго законъ
ревностно охранялся охрановитъ разливъ прогесан-
цизна вдали Испаніи, не мѣнь охранялся равно,
душинымъ, когда зараза приближалась къ ея предѣ-
ламъ. Первый сигналъ зрѣвои былъ поданъ изъ Ри-
ма. Въ мартѣ 1521 г. было отправлено папское

послание въ Испанію, указывавшее правительству
 на необходимость воспрепятствовать далматинскому
 распространению Лютеровыхъ сочиненій, которая, какъ
 тогда полагали, уже около года тайными образами
 проникли въ Испанію. Папское послание было адре-
 совано предъавицелямъ свѣтской власти, которой въ
 то время принадлежало право выдавать эдикты. Но
 было болѣе естественно и болѣе согласно съ воззры-
 ниями, господствовавшими не только въ Испаніи,
 но и въ другихъ странахъ, обращаться въ религіоз-
 ныхъ вопросахъ за совѣтомъ и помощью къ духов-
 ной власти, и громадное большинство испанскаго
 народа весьма охотно приняло такой образъ дѣйствій.
 Мзакъ, великій инквизиціонъ далъ подчиненнымъ
 ему трибуналамъ приказъ воспретивать и захватыва-
 вать все книги, заключающія въ себѣ изложеніе
 ученій новой ереси. Это была книга стѣлая и рѣ-
 шительная, и она употреблялась успешно. Правитель-
 ство охотно согласилось на все, потому что въ какой
 бы формѣ ни являлся протестантизмъ, онъ во всякомъ
 случаѣ производилъ излюбленные планы императора;
 народъ же одобрилъ ее потому, что за
 исключеніемъ некоторыхъ отдѣльныхъ личностей
 все перитное испанцы относили къ Лютеру и
 его послѣдователямъ едва ли болѣе дружелюбно, чѣмъ

къ мабрамъ или еврамъ.

Меджу зтомъ высшее правительственное учреждение инквизиция — верховная советъ — была создана и при, няла рядъ религиозныхъ и цѣлесообразныхъ мѣръ. Оубъ 1521 до 1535 оны издали нѣсколко декретовъ, въ си, му козорыхъ всякій имѣвшій у себя зараженную мюзеранской ересью книгу или не донесеній на лю, дей, имѣвшихъ ихъ, подлежалъ озлученію оубъ церкви и подвергался цѣлому ряду униженческихъ нака, заній. Это дало инквизици право дѣлать свои за, ключенія о характерѣ и направленіи всякой кни, ги. Далѣе она еще содѣлала шагъ въ этомъ направле, нии, присвоивъ себѣ право рѣшать, какія сочиненія можно пераждать и какія нѣтъ. Птомъ не менѣе въ первой половинѣ сказаннаго, XVI, столѣтій въ Испа, нии замѣчается даже вліяніе не только гуманиз, ма, но и реформации, и ихъ воздѣйствіе можно прослѣдить на оздѣльныхъ выдающихся наукаряхъ довольно далеко и почти серединой XVI вѣка.

Безсусветно, что испанская поэзія и краснорѣ, чіе, озносящіяся къ этому періоду — первая полови, на козорого была эпохой величайшей національ, ной славы Испаніи — должны носить на себѣ гидельные слѣды зого правсусветнаго искаженія, козорому подверженъ національскій характеръ и,

панцевъ. Мускульный и возвышенный духъ, состав-
ляющій основу неуязвимой жизни каждаго народа,
быль искажены и подавлены. Нѣкоторые орудья ли-
тературы, какъ-то: судебное красноречіе и проповѣдное
слово, сатирическая поэзія и издѣльная дидактическая
проза, почти не существовавши; другіе, какъ напр. Эпиче-
ская поэзія, получавши ложное направление; зато дра-
ма, романсы и легкія формы лирической поэзіи раз-
росхватались буйно и несдержанно, какъ бы почерпая свою
силу изъ оковъ, налегавшихъ на другія литературныя
формы. Оковы эти въ самомъ дѣлѣ искусственныя од-
нажды оубели поэтическій геній Меланинъ въ русло,
но козорову отъ въ другихъ случаяхъ иногда не ка-
зались бы заковы шумыбель позоковы.

Книжки, издаваемыя въ продолженіе всего періода,
къ изученію козорого бы генеръ присуждаемы, и даже су-
щъ сполнѣзіе, посяръ на каждакъ шагъ оумкарокъ зого уны
законнаго положенія, въ козоровъ наблюдала зода прес-
са и ея работники. Эти униженныя заглавія и по-
свѣщенія, эти массы свидѣтельствъ друзей автора, пред-
назначенныя слушать доказательствомъ правоты
сочиненія, илнующихъ столь же мало оумошенія къ
религій, какъ волшебная сказка, наконецъ послѣдняя
страница, гдѣ авторъ заранѣе извѣщается въ безсозна-
тельную нарушенію авторитета церкви и въ широкомъ

повозованіи классической мидологіей — все это гонело нашу душу массою подавляющих доказательств того, какъ вселенно Человеческій умъ былъ подавленъ въ Испаніи и какъ съотъ долго носилъ въ цѣпи нека- зили и унизили его природу.

Однако мы огорчимся бы въ болышомъ задумиденіи, если бы на основаніи нечисленныхъ нами сфранковъ осоденностей испанской литературы, пришли къ заклю- ченію, что эти особенности были плодомъ непосредствен- наго воздѣйствія инквизиціи и правительствва, подавивъ, шить пугель въ исто- физическаго насилія безъ шивья оуправленія одиесства. Последнее было бы даже невоз- можно. Ни одинъ народъ не подчинился бы подобно- му игу и менте всего закой гордой и рвизарственнаго народъ, какими были испанцы въ царствованіе Кар- ла V и въ болышую часть царствованія Филиппа II. Это земное дело совершилось гораздо раньше. Основа его. были глубоко заложены въ кастильскомъ характерѣ. Оно было съ одной стороны результатомъ избытка и ложнаго направленія христіанской ревности, съ ко- поцью которой испанцы даже отчаянно и славно производились воряженію магометанства въ зв- ропь: съ другой — той преданности королевской вла- сти, благодаря которой испанскіе короли выжили по- бѣдительно изъ сфранковой многовѣковой борьбы; оба

Эти принципы, в существовании возвышенное и благородное, глубже слились с народными характером в Испании, чем в какой либо другой стране.

Итак подвиги недовольному деспотизму и испанская народность не были последствием инквизиции и репрессивных мёртв, придуманных и сказанных королевской властью; скорее наоборот и деспотизм и инквизиция были результатами мощного направления, которое приняла старинная народность и преданность королевской власти. Кудзура, заключающая в себе оба эти составные элемента, была исполнена блестяще и возвышенно, но она имела свою роль, свою сторону, соединившую в то, что она не сумела возбудить и развить многих возвышенных качеств, лобоватской природы, находящих себе применение в домашней жизни и зачатых мирными искусстваами.

Восхищаясь на древних образцах итальянские поэты, которые слушали теперь образцы для испанских театров, естественно приобрели преимущественное значение и влияние с своими художественными формами над ними Испания отсюда и осмеляясь, лишь их духом. Значительное движение, охватившее испанскую нацию, прежде всего религиозности выдвинуло вперед эту сторону испанской духовности

природы, которая не была чужда и средневековой испанской поэзии, именно полнотой энергии и губительного наслаждения жизнью натурализме. Эпоха последний могъ убогъ реализма выработаться и укорениться въ литературу, это въ течение трехъ столетій съ историей испанской поэзии связывается то исключительное обстоятельство, что въ предвиденіи поэты всегда были люди, которые, рядомъ съ ученото образованности, также обладали и богатствомъ воображенія, погруженными среди энергичной и бурной жизни.

Подвигаясь впередъ, мы подыскиваемъ въ развѣтѣ испанскаго народнаго характера и литературы кастильскія, дѣя произвольнаго, который объединяется лишь въ томъ случаѣ, если на возведемъ ихъ къ ихъ истокамъ. Мы увидимъ, что эпоха высшаго поэтическаго инквизиціи совпадала съ эпохой высшаго произволенія свободной и безправственной драмы, что въ то время какъ Фришманъ и два его непосредственныхъ преемника управляли страной въ духѣ теснаго и зависимаго деспотизма, Кеведо писалъ свои остроты и сатиры, а Сервантесъ своего глубокомысленнаго Донъ-Кихота. Но по мѣрѣ болѣе тщательнаго изученія эпохи, этого порядка вещей, мы убѣдимся, что въ основѣ его лежалъ нравственный произволъ, повлекшій за собой серьезный нравственный упадокъ.

Испанскій народъ и великіе писатели, прославившіе собою лучшія эпохи его исторіи, могли сохранять бодрость духа, потому что не замечали очерченныхъ вокругъ нихъ границъ и нѣкозоровъ вреда не губивша, были наложившихъ на нихъ стѣсненій. Но, отъ того они охладѣли, могло быть усилено или съ легкимъ сердцемъ, безъ малѣйшей приливши отчаянія и униженія; они могли сдѣлать эту ошибку, руководимые религиознымъ усердіемъ и преданностью къ власти, но зѣвать не могли несомнѣнно, что эти границы и стѣсненія существовали и что иныя были приисены въ жертву лучшіе и существовавшіе элементы народнаго характера.

Время это доказало какъ нельзя лучше. Прошло немало больше столѣтій, и государство, грозившее чело, воевавшее всемірною монархіею, едва было въ силахъ отразить вышедшее нападеніе и справиться со своими содѣланными и мужественными подданными. — Духъ жизни — духъ энергичной поэтической жизни, ярко горѣвшей въ сѣранъ въ годины испанскій — очевидно покинута навсегда испанскій народный характеръ. Испанцы, игравшіе въ Европѣ одну изъ главныхъ ролей, какъ низко упали, что упали почти всякій ав. зорицель. Гордо удалившіе въ свои горы, руководимые зѣвать же духомъ неустрашимости, въ силу козорого они

иногда избегали всяких сношений со своими мабритскими завоевателями, они почти прекратили сношения с остальным миром. Благодаря сокровищам, приливающим в казну из испанских владений в Америке, королевская власть сохраняла еще в продолжение следующего столетия свой незавидный прескрипт, но искренняя вера, преданность королю и доверие, свойственное испанскому народу, исчезли навсегда или замкнулись рабской услугою перед недоброжелательными правителями государства и рабской службой каботажу. Несмотря и старинный Эвразий, азия и прелесть не всегда разумно направляемый, а впоследствии часто направляемый на ложный путь, а впрочем с ними убывала и поэзия, которая в Испании больше была в какой-нибудь стране Европы, если в тесной связи с народными характерами.

Но начало нового периода национальной испанской литературы совпадает как раз с началом господства в ней кастильского диалекта, и уже вскоре роль книжного языка сосредоточивается исключительно за ними.

Воцарские романы.

Испанские романы принадлежали первоначально всей нации, преимущественно же кельте образованным классам общества. Хроники, например, созда-

лами досюльнѣ гордыхъ рыцарей, набогившихъ въ злыхъ картинныхъ разказахъ не только исхорито славы ихъ предковъ, но и возбужденіе къ подвигамъ и добродѣти, землямъ, какъ для себя, такъ и для молодого поколѣнія. Между тѣмъ, съ распространеніемъ въ государствѣ общеземной безопасности и увеличеніемъ суровости къ издѣльному, открылись новыя потребности. Погубившаяся музыка въ книгахъ, козловыя могли бы досюльнѣ развлеченіе болѣе уютнѣе, нежели романы, и говорили чуждымъ левые вазильныя дѣла, несли хроники. Такого рода книги появились на призывъ потребности. Духъ поэтической изобрѣтательности, рано пробудившійся на полуостровѣ, издавъ только его направили къ древнимъ преданіямъ и вымысламъ старинныхъ народныхъ хроникъ, что бы произвесть созданія, родившіяся только и дружныя, но гораздо болѣе привлекательныя для болшихъ. Отъ нѣсколькихъ хроникъ до пасторальныхъ рыцарскихъ романовъ было только одно шагъ.

Этотъ родъ сочиненій, въ формѣ болѣе грубой и болѣе опредѣленной, существовалъ давно уже въ Нормандіи и въ цѣнурѣ Франціи; но отъ не было извѣстно въ Испаніи, въ первомъ періодѣ ея литературы. Съ Артуромъ и рыцаряхъ Круглаго Стола никто не слышалъ, и Карлъ Великій мелькнулъ въ старыхъ испанскихъ романахъ и

1) напр. хроники о Донъ Родригъ.

Хроникахъ только какъ завоеватель, пожертвовавшій безславное поражение въ Пиренейскихъ горахъ, въ Севальской долине. Но въ слѣдующемъ столѣтїи, францускіе рыцарскіе романы проникли въ Испанію и возбудили множество подражаній. Позднѣе еказати, замаскированныя изъ хроникъ северо-французскими друверами, столѣтїе спустя легли въ основу знаменитыхъ рыцарскихъ романовъ въ прозѣ, создавъ, явившихъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ въ главнѣйшую отрасль національной литературы Франціи и вплоть до нашего времени служившихъ богатыми источниками, откуда почерпали свои необычайные вымыслы Аріосто, Спенсеръ, Виландъ и другіе поэты рыцарства, произведенія козорыхъ ефодръ въ тѣсной связи съ сказаніями объ Артурѣ и Кругломъ Столѣ, Карлѣ Великомъ и его вѣкахъ. Сказо-бытъ французскіе романы не замедлили оказать свое вліяніе и на испанскихъ писателей. Скоро гинвое воображеніе испанцевъ создало по образцу этихъ романовъ новый рядъ вымысловъ, козорые скоро распространились по всему міру и слава козорыхъ заняла собою славу произведеній, служившихъ имъ образцами.

Во главѣ первыхъ испанскихъ рыцарскихъ романовъ, козорыхъ поэтики, по вымышленію Сервантеса,

„Безчисленна“, своиъ родоначальниковъ и позднѣшскій прозоизмъ всякъ имъ „Амадисъ Галльскій“ (Amadis de Gaule), написанный португальцемъ Васко де Лобейра, умершимъ въ 1403 г. Португальскій подлинникъ его утраченъ. На испанскій языкъ онъ былъ переведенъ между 1492 и 1504 годами, а напечатанъ въ первый разъ въ 1510.¹⁾

Амадисъ — сынъ несущесрѣчовавшаго короля, владѣвшаго королевствомъ Галлиа, подъ королевъ мундо разумѣется не Галлиа, но Уэльсъ (Wales). Онъ — незаконнорожденный. Мать его, Элизена, Британская принцесса, устрѣдилась своего дѣвуща и бросила его въ море; тамъ его находилъ одинъ шотландскій рыцарь и отвозилъ сперва въ Англію, а потомъ въ Шотландію. Въ Шотландіи Амадисъ влюбляется въ Орлану, несравненно красивѣе, дочь французскаго визмаржа, короля англійскаго. Между тѣмъ Періотъ, галльскій король, законъ совершенно неизвѣстное въ исторіи лицо, женится на матери Амадиса и она производитъ на свѣтъ другого сына, Талаора. Приключенія этихъ двухъ рыцарей, отчасти въ Англіи, во Франціи, Германіи и Турціи, отчасти ^{въ} (неслыханныя и даже волшебныя) сраженія, посреди разныхъ царствъ, — приключенія, до окончанія даками ихъ сердца, (напр. несущесрѣчова на Швердотъ Осуротъ), до порицанія ими, напос.

1) неизвѣстно.

2) Это неизвѣстно точно по преданію. Древнѣйшее изданіе этого романа, сохранившееся драгоцѣнное библіомановъ, не восходитъ выше 1519 года.

много всю книгу и наконецъ, послѣ далекихъ пущь, шесхвѣй и множеству бурьъ двухъ главныхъ героевъ съ другими рыцарями, съ волшебниками и гиган, замки, оканчиваюая женитьбой Амадиса на Орианкѣ и уничтоженіемъ тѣхъ гартъ, козоровъ такъ долго производившесю соединенію ихъ сердець.

Во производности всякихъ ожиданій, въ этомъ романѣ на ряду съ самыми дикими фантазіями не рѣдко попадаются мѣста, полныя естественнаго чуда, красоты и поэтики, какъ напр. сладкоуощеотисаніе юной любви Амадиса и Орианки.

„Лизгарръ привезъ съ собою въ Молландію Бри. зему, свою жену, и дочь, рожденную оуз нея во время пребыванія ихъ въ Дании, по имени Орианку, дѣвочку мѣзь десяти. Это было прелезньѣйшее созданіе, какое когда-либо было видано въ мірѣ. Она была такъ прекрасна, что ее прозвали несравненной (sin rak), и въ самомъ дѣлѣ она не имѣла въ свое время себѣ соперницы по красоте. Также какъ она сильно сурдала оуз морскихъ пущешесхвѣй, го оуецъ рѣшилсѣ оставить ее здѣсь и обратился къ королю Лангуину и королеве съ просьбою вздѣть ее къ себѣ, на что послѣдніе согласилсѣ съ радостью, и королева сказала: „Вотъ же мнѣ, я такъ буду беречь ее, какъ ея родная мать.“ И Лизгарръ сѣлъ на свои корабли и

вскоре пришло въ Англію; тузь, какъ это часто бы, влезъ въ такіе случаи, нашлсь люди, приговорив, мнѣ прозвѣ него воззваніе. Это надолго отвлекло его мысли оъ дочери. Наконецъ, после многихъ усилій, онъ возбранилъ преселъ свой, и со временемъ Артура не было на этомъ преселѣ лучшаго короля, хотъ царевновали очень многіе.

Оставивъ Лизгарда царевновать мирно и покойно въ Великобританіи, авторъ переходить къ сыну, дичъ, зли моря (Мадису), которому было лѣтъ двенадцать, но, по развѣію его, казалосъ не меньше пятнадцати. Онъ слушалъ при королеви и былъ любимцемъ, какъ ея, такъ и всѣхъ давъ и двичъ.

„Когда же явиласъ при дворѣ Оріана, дочь короля Лизгарда, королева дала ей въ услуженіе сына моря и сказала: „мой милый, эрозъ нашъ будешь слушать зедъ“. Оріана отвочала, что она очень рада, но приняла эти слова въ законъ смысла, которой сохранила въ сердцѣ на всю жизнь; Мадисъ же, съ своей стороны, во всю жизнь не смизалъ злосудъ слушать ея. Ихъ взаимная любовь продолжаласъ всю ихъ жизнь: онъ любилъ ее такъ же какъ она его любила, такъ что они ни одного часа не пересцавали любить другъ друга. Но сынъ моря, не знавший и не подозревавший какъ сильно Оріана его любила, смизалъ себя въ высшей

срешени дерзкимъ за то, что не смотря на ея высокое положение и красоту, осмѣлился осановить на ней свои мысли; белоусуіе этого онъ и не рѣшался заговорить съ нею. Она жила, при всей любви своей, сражалась говорить съ нимъ не больше, какъ съ прочими; но глаза ея находили великую радость смотрѣть на него: она любила его сильнее всего на свѣтѣ. Такъ они жили, жад свои губыва другъ оу другъ и ни од, ниль словомъ не выдавая себя. Наконецъ пришло время, когда сынъ моря почувалъ выужри себя, что онъ можеть взвзетъ за оружіе, если бы его посвятили въ рыцари. Онъ жель больше желалъ этого, что надѣлалъ съ совершилъ подвиги, козорые, либо приведуть его къ гибели, либо, если онъ осанежъ въ живыхъ, приобрь, зуть ему уваженіе данья сердца. Душевлемый эльмъ желаніемъ оу явилъ къ королю, козорый гулялъ въ саду, и, преклонивъ передъ нимъ колѣна, сказалъ: „Государь, если будеть на то звоу милосудъ, насало время сдѣлать меня рыцаремъ.“ Король озвогалъ ему: „Какъ, сынъ моря, жъ уже считаешь себя досройнымъ бодъ рыцаремъ? Зоуай, что легко сдѣлается рыцаремъ, но зрудно исполнятъ обязанности рыцаря. Кто хочеть исполнять ихъ по вствѣмъ правиламъ чести, жодъ должетъ одолеть зрудности, козущія сокрушуть всякое сердце. А если рыцарь по малодушію, или

Грассози, не исполнишь того, что повелеваетъ ему
долгъ, то лучше ему умереть, чѣмъ жить въ позорѣ. По-
этому, я бы советовалъ здѣть озломишь это дѣло на нѣ,
которое вредъ." Но сынъ моря возразилъ ему: "Нужь,
меня никто не отклонить отъ моего намѣренія; и
еслибы я не считалъ себя способнымъ исполнишь все,
что вы говорите, то сердце мое не рвалось бы такъ
къ рыцарству."

Итакъ сынъ моря двлаея рыцаремъ, совершаеъ
великіе и зрудные подвиги и ^{въ}концѣ концовъ жени-
ся на Орлантѣ. — Эпоха дѣйствія этого романа не
опредѣлена, и нѣтъ подвиговъ Амандиса ознае,
ны вопреки географической неимѣ. Нѣтъ авзора бы-
ла — создаетъ образецъ совершеннаго рыцаря и про-
славилъ въ немъ храбрость и душевную чистоту,
какъ главнѣйшій рыцарскія добродѣтели.

Мы не могли доискаться, что послужило Васко
де Лобейръ матеріаломъ для его Амандиса — старинное
ли преданіе народное или же болѣе ранняя обра-
ботка легенды Амандиса, которая оживляла франца.
это и служила ему руководящей нитью. Нѣтъ ни,
какого сомнѣнія, что онъ былъ знакомъ съ нѣско-
горыми старыми французскими романами Бре-
зонскаго цикла, напр., со св. Граальемъ, генералъ,
нѣтъ цикловъ романовъ Круглаго Стола. — По-

папки ордена португальский подлинник оказался
 фальшивым. Из конца XVI в. издана уверия, что она
 находилась в числе рукописей семейного архива гер-
 цогов д'Авейро в Лиссабоне. После самого изобретения
 было подтверждено весьма авторитетным лицом
 в 1750 году, но с этого времени мы не знаем никакой
 следы подобной рукописи и безответственно са-
 мая фальшивая посылка ее должна быть вторичным
 предположением, что она погибла в ушах злых
 изданий и пожарах 1755 года, когда дворец, бывший
 селено д'Авейро, был разрушен, со всеми находивши-
 мися в нем рукописями.¹⁾

В силу всего этого испанская обработка романа
 заняла место португальского подлинника. Как
 мы уже знаем, она была сделана между 1492 и
 1504 гг. Бартоломеу Ордоньезом де Монзалво, губерна-
 ром города Медина-де-Каньяс и впервые напеча-
 на, но всей вторичности, в зорь же промежуток
 времени. За первыми изданиями в течение полувек
 следовало еще 12, доказывающих, что Амандис по-
 звался большой и прочной популярностью в Испа-
 нии. Вследствие этого он был также переведен на
 ки италънский, французский, английский, немецкий,
 голландский и даже на еврейский. Все это сильно
 способствовало увеличению селси Амандиса, короля,

1) Существование этой рукописи в архиве д'Авейро подтвердила
 еса Фрейре в «*Revista Lusitana*». Бартоломеу (Rev. Lusitana, т. III, р. 775)
 говорит: «Original se conserva em casa dos Excellentissimos Duques de Aveiro»
 г.е. оригинал сохраняется во дворце свиртвейших герцогов д'Авейро.

по словамъ Донъ-Кихота, ведезь свое начало оуъ време-
ни непосредственно слѣдовавшаго за введеніемъ хри-
стіанства и доходящъ до эпохи, въ которой ^{вспротивъ} довелось жить
этому рыцарю.

Переводчикъ даеъ намъ понять, что это Амадисъ
своиъ выше португальскаго по силѣ и по языку. Осо-
бенно крупныя измѣненія, повидимому, сдѣланы
въ послѣдней части, но постройка и тонъ всего сочи-
ненія свидѣтельствуютъ о болѣеи оригинальности
и свободѣ, какую мы замечаемъ во векахъ предше-
ствующихъ французскимъ романахъ. Исгорія Арду-
ра и Свѣзого Траалдъ всецѣло проникнута религі-
озностью, а исгорія Карла Великаго — воисцвѣтныи
духовнѣ. Та и другія наполнены рядоми приключе-
ній, въ болое время ^{ни} прикательныхъ ихъ героидъ хро-
никами и преданіями, — приключеній, когоридъ, не,
зависимо оуъ степени ихъ досовѣренности, были при-
знаны жогками оуправленія для векаъ послѣдую-
щихъ подражаній. Но Амадисъ представляеъ собою
вполнѣ продуктъ францази. Хронологическыи указъ,
заній въ немъ нѣтъ никакихъ, кромѣ одного: все
событія, описанныя въ немъ, совершаются вскорѣ после
начала христіанскаго возосиленія. — Географія
романа, какъ уже сказано, также смутна и неопре-
дѣленна, какъ и тоуъ вѣкъ, въ когоридъ авторъ по.

мгзиди своего героя. Правда, эта неопределенность едва ли была в чьих-либо руках, который поставил своей главной задачей нарисовать жизнь и подвига рыцаря и прославить в его лице храбрость и неопроглядность, как единственную добродетель, составляющую основу рыцарского характера.

Можно указать на многих писателей, неуступающих приведенному мною типу раньше в естественности и грации; но самая характерно-художественная страница в „Амадисе“ — это, конечно, изображение духа рыцарства и вытекающей из него обязанности принцессы и рыцарей. Этот дух никогда не возмущался до конца, ценного красноречия, а иногда даже грубо и жестко и даже неумолимо. Рассказы вообще прозе и естественные, несли в старых французских рыцарских романах. Впервые этого, тогда развлекала внимание читателя огромным числом рыцарей, которые все походили один на другого, романы вводили на сцену только двух, и каждый из них охарактеризован довольно хорошо. Амадис пред, ставивший образец великих рыцарских добродетелей, а его брат Талаорте, не уступая ему в силе, вовсе не отличаясь от него в любви. Это соединяет воедино гасящее романа разнообразие и тем до конца увлекает внимание читателей, несли как.

1) как напр. рассказы о подвиге фрей Урианда на ее огнен, ный галерей и о поведении Орлана по имени Кассиди, ано.

Менская поэзия въ XVI столѣтїи.

кой либо изъ появившихся за нами, или современнѣе, ныхъ ему романовъ. Безъ въ немъ и безмравственнѣе, ныхъ сцены, какъ напр. описанїе посредннхъ похоти, дотїи принцессы Флоренсы Даріонсы и догери гра, фа Зеландскаго.

Но важнѣе недосказокъ „Амадиса“, какъ и вѣдѣе рыцарскнхъ романовъ, заключаетъ въ томъ, что онъ изомысленъ изъ гадель димитозо и посредннхми повзо, ромїанн закнхъ приключенїи и опасностей, въ кото, рахъ напередъ предвиднть зорнсыво герод. Но зга днн, мога и повзороенїа вовсе не казались недосказками ни при первомъ появленїи романа, ни долго еще спустя. Романнческїи вымыслъ, единственнѣе форма изъзнной литературы, козорую новое время прибавило къ гудннхъ творженїнхъ греческаго генїа, — бнль зог, да новъ и свѣтъ, и современнѣе гадельн какъ люди, воспитаннѣе въ школѣ рыцарства, гораздо ближе при, нннали къ сердцу самыя плохїа его созданїа, не, жели рассказы о славннхъ подвигахъ героевъ древно, сзи. Поэтому „Амадисъ“, какъ можно заключнть изъ малодѣ великаго канцлера Касрїлнн (въ Донъ-Кнхо, зъ), что онъ убнлъ досучъ свой на чтенїе его бреднн, — пользовался необыкновенного популярносчю въ Ме, нанн и гадельн болнше, нежели какой-либо другой романъ, до згѣхъ поръ, пока вся серїа рыцарскнхъ

романовъ перешла предъ невыможимого сазирова Сервантеса.

Не следуетъ забывать, что и самъ Сервантесъ не былъ равнодушенъ къ досужимъ званьямъ этого романа. Первая книга, възявъ, по его разсказу, съ полки Донъ-Кихота, когда священникъ, цирюльникъ и клячки, на примеру ^{очиненно} къ ^{своему} индлюжки, была „Амадисъ Галскій“... „Слугай огеня суранивой“, сказали священникъ: „Эта книга, какъ слышала, была первая изъ рыцарскихъ романовъ, написанныхъ въ Испаніи, и весь прогидъ бедуетъ оъ неа свое начало и проие, хожденіе. Позрому амъ кажется, что мы должны осудитъ ее на сожженіе, безъ дальнихъ разговоровъ, какъ ученовуделя закой вредной секты.“ Възь, почтенный оуецъ, сказалъ цирюльникъ: „Я слышала, что это лучшее сочиненіе изъ всьхъ, написанныхъ въ этомъ родѣ, и ради его оригинальности его следуетъ пощадитъ.“ Это правда, отвѣчала священникъ, „и такъ пока пощадимъ его.“ Этого приговоръ священника былъ повѣрденъ послѣдующими въками, и монно въ силу того дова, да, козорій приведетъ самилъ Сервантесовъ.”

Амадисъ по всеобщему признанію счиается лучшимъ изъ рыцарскихъ книгъ романовъ. Прими. на этого заклюгается отпасти въ томъ, что отъ даярз намъ поразицельна върнуто каррису духа и правовъ

рыцарскихъ времени, но главная причина ^{безспорно} состоитъ въ широкой свободѣ вымысла, допускающей разнообразіе тона, какого не достигаетъ ни одно изъ произведеній подобнаго рода. Автору вполне удалось сохранить эпическій тонъ своего разсказа и до конца поддерживать вниманіе читателей, чего никакъ нельзя сказать ни объ его поелѣдователяхъ, ни объ его соперникахъ.

Монументъ, переводчикъ „Амадиса“, написалъ и продолженіе романа, о которомъ онъ говоритъ въ предисловіи, называя по иждой книгѣ романа. Это продолженіе составляетъ самостоятельную, отдѣльную романъ, подъ заглавіемъ „Эспландіана“. Это полное испанское заглавіе гласитъ „Las Segvas del muy esforçado Cavallero Esplandian“. „Segvas“ есть очевидно грубое извращеніе греческаго „Ἔσθη“, значащаго Прудъ или Дядня. Это самостоятельное сочиненіе, составляющее по своему объему почти треть „Амадиса“, заключаетъ въ себѣ исторію сына герцога и Орланды, по имени Эспландіана, рожденнаго и воспитаннаго козорого упоминается еще въ приключеніяхъ оруда и составляетъ одну изъ самыхъ занимательныхъ эпизодовъ Амадиса. Мероприятіе Эспландіана начинается съ того момента, когда самый романъ составляетъ Эспландіана възвѣ „

денналь въ разсарское государство и наполни
 разказами оъ его всевоуныхъ приключеніяхъ,
 при чемъ кезади описываются рядъ новыхъ подвиговъ
 его оуца Амадиса, козорый оузаеся въ живыхъ до са-
 маго конца книги, тогда видяъ своего сына на
 императорскомъ престолъ въ Констанцуполъ, поше
 зого какъ самъ отъ по смерти Лизуарра сдѣлался
 королемъ Великобританіи.

Днійсрвіе романа происходивъ, главнѣишь обра-
 зомъ, на восхокъ среди бивъ съ дурками и магоме-
 дѣтсами - обѣдѣзельсрво, показывающее намъ, куда
 было обращено всеобщее вниманіе въ эпоху созда-
 нія Эспландіана и каковы были опасности, гро-
 зившія европейскому міру даме на самыхъ за-
 падныхъ его границахъ въ сголтзіе, слѣдовавшее
 за паденіемъ Констанцуполя.

Съ самаго начала мы находимъ два кедоеуа,
 ка, козорые проводяъ по всему произведенію. Ама-
 дисъ, оузаветный авзоромъ въ живыхъ, наполвѣ-
 еуъ собою значительную часть фадубы, между томъ
 какъ Эспландіанъ совершаеъ подвиги, козорые ав-
 зору шелаземно предсавивъ болъе блесувицими, не-
 шели подвиги оуца, но козорые на самомъ дѣлѣ
 казавуъ золско болъе нелъпыми. Въ силу ззого
 посподинаго соперниелсрва, книга превращаетя

въ рядъ нелѣпныхъ и хладнокровно придуманныхъ несообразностей. Нѣкозорья изъ "Дѣйсвующихъ лицъ Амандиса" являюща и здѣсь; закова: Музгаръ, сево, Босиденный Эспландиановъ изъ записеваемой зем. ницы (это его первый подвижъ); Урганда, превратившаяся изъ фрей въ дикую волшебницу, и великій маэстро Элизабадъ, ученый и священникъ, извѣстнѣйшій нашь раньше въ качествѣ доктора Амандиса, и козорой зуръ выводится въ роли греческаго бис. графа его сына. Но ни одинъ изъ присутств. харак. зеровъ, равно какъ и ни одинъ изъ новыхъ не обрѣсованы съ достаточнымъ искусствомъ.

Это авторъ нисколько не заботился о точности берущающихся въ романъ историческихъ и географическихъ данныхъ, это видно изъ того, что пьеса Калафрідъ, царица острова Калифорніи, выславлена въ болѣею гаси разказа злѣйшимъ врагомъ Ариезиансува, и что однажды Консуанзимоню были осаждены зрѣны мильонами Язычниковъ. Слово не лучше содержанія. Тщезно было бы ие, какъ въ "Эспландиановъ" зѣкъ красноречивыхъ мѣсѣ, козорыхъ какъ много въ "Амандисѣ". Наоборотъ: зуръ множество сухихъ и вялыхъ описаній, суживор. ная оглавленія, предисланиоя каждой главы, не илѣють въ себѣ ничего поэтическаго и далеко

ниже сриховъ попадающихся кой-гдѣ въ Амадисъ.

Сказано было, совершенно верно, какъ замѣчается свидѣтели, дойдя до этой книги въ Библиотекѣ Довы. Кихота, «доушесерва оца не соодичалес сыну, сынов не въ оца». Мезорид Испландіана не имѣеть въ себѣ ни свѣтлости, ни одушевленія, ни возвышенности «Амадиса Талскаго». Только не менше книга эта имѣла въ свое время довольно большой фурора. После древнѣйшаго изъ извѣстныхъ переизданій «Испландіана» (въ 1521 году) ихъ появилось до конца XVI столѣтія еще нѣск., — фактъ, доказывающій, что и эта книга пользовалась большою популярностью.

Примечаніе Гарсін Ордонсега де Монзалво не оцался безъ подражаній. Это главная лица снова являюся въ нѣкоторомъ рядѣ связанныхъ другъ съ другомъ романовъ; въ каждомъ изъ нихъ фигурируетъ герой — потомокъ Амадиса. Такъ, въ 1522., появилась первая книга Амадиса Талскаго, подъ заглавіемъ Мезоридъ Флоризанда („La Historia de Florisando“), его племянника; за ней слѣдовали: чудесная исторія Лизуарда Трескаго, сына Испландіана („Lisuarte de Grecia, hijo de Esplandian“) и еще болѣе невѣроятная исторія Амадиса Трескаго („Amadis de Grecia“), которую можно образно сказать какъ бы седьмой или восьмой книгой Амадиса.

Къ нимъ нужно присоединить „Don Florisel de Nica“, „quica“ и „Anaxartes“, его братья, исторія которыхъ въльсь съ эпизодическимъ дѣйствіемъ послѣднѣе, напоминая собою зрѣніи книги; наконецъ еще и 12-я книга Амадиса, носившая заглавіе Великіе подвиги рыцаря Дона Силвеса де ля Селвы („Los grandes hechos de armas del caballero Don Silves de la Selva“), изданная въ 1549 году. X

Если мы примемъ въ соображеніе, что всѣ эти романы появились въ Испаніи нѣтъ-толь въ полвѣка, что большая часть ихъ выдержала по нѣскольку изданій, то все это явится самымъ яснымъ доказательствомъ необходимости ихъ популярности въ средѣ испанской публики. Сурасъ, какими образомъ возбудившая, не могла основаться. Появились новыя романы, принадлежавшія къ той же семьѣ, хотя и не связанныя съ нею прямого насильственного связью; таковы: Леполемо, Рыцарь Креста (Peroveto Caballero de la Cruz, 1543 г.) и продолженіе его Леандръ Прекрасный („Leandro el Bel“, 1563 г.), оба написанныя Педро Луксаномъ. Последний романъ иногда назывался тринадцатой книгой Амадиса.

За ними слѣдовала множество другихъ, въобщемъ дивныхъ дѣяній однихъ за другими. Во Франціи, гдѣ всѣ эти романы переводились послѣдовательно,

но творцы ихъ появились на испанскомъ Языке, и здѣ они возмась они приобрѣтали зрѣнку извѣст., поета, серия романовъ Аладиса достигла наконецъ поземной цифры двадцати четырехъ томовъ, послѣ чего нѣкій Дювердге, недобольный чл.м., что нѣко, зорсе изъ нихъ не имѣють правилкой развѣдки, свѣ. залъ между собой и привелъ къ блаженному концу прерванный нити въсь възоріи въ евоель ограм, номъ семизомномъ сборникѣ, которому отъ даль многозначительное заглавіе, Roman des Romans (Ро. манъ Романовъ).

Все это гизалое въ свое время съ мадыоесто не золько въ Испаніи, но и во Франціи. Такова бы. ла судьба португальскаго вымысла, незнапительнаго по своимъ доэюнксамъ, но имѣвшаго рѣшитель. ное вліяніе на поэзію воодиче и романы въ со. бѣтноеуи, не золько въ Испаніи, но и во всей но. вой Европѣ. Френоменъ безиримѣрный въ исторіи всемірной литературы.

Кромѣ поэмокъ Аладиса Галскаго, было написано, вскорѣ послѣ его изданія и въ послѣдую. щій времена, безчисленное множество другихъ рыцарскихъ романовъ. Кравы и общезвѣнное мнѣ. ніе въ Испаніи, породившіе зрозъ необгаинной циналь романовъ, не могли не создать и другихъ

французскихъ героевъ, пошесть бѣже менше славы, чѣмъ гнѣвъ Амадея, но обладавшихъ вообще необычными качествами и талантами. Эпическо, какъ и было. Много французскихъ романовъ появилось въ Испаніи зотная посылка устѣха, выпавшая на долю ихъ основателя.

Главнѣйшій изъ нихъ, это — Пальмеринъ Оливскій (Palmerin). Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ дочери Бургундскаго плутика и первоначаль, но былъ изданъ въ Саламанкѣ, въ 1512. Герой романа — внукъ византійскаго императора, но внукъ незаконный, въ силу чего онъ немедленно послѣ рожденія былъ оставленъ матерью на горѣ въ зрѣющей корзинѣ, повѣшенной на вѣтвяхъ оливковой и пальмовыхъ деревьевъ, гдѣ его нашелъ одинъ богатый меловодъ. Онъ взялъ мальчика къ себѣ и назвалъ его Пальмериномъ Оливскимъ въ память мѣста его рожденія, находившагося. Пальмеринъ росъ и своими подвигами вскоре заявлялъ свое высокое происхожденіе; бѣды съ дѣвками, ками и чародѣями дѣлають имя его знаменитымъ въ Германіи, Англіи и на востокъ. Наконецъ онъ являясь въ Констанцѣ; мать признаеть его; онъ женился на сестрѣ императора германскаго, героинѣ романа и наследуетъ византійскій

пресуловъ.

Местнахъ романа были громадный. Нѣсколько испанскихъ изданій его слѣдовали одно за другимъ, а затѣмъ появились переводы на итальянскій и французскій языки. Пальмеринъ Шливецкій — имя весьма возмное, ибо за нимъ идетъ цѣлый рядъ похожихъ, козорие несомненно свавъ его погзи на закую же высоту, на какой сродъ Амадисъ. И во вѣтшней формѣ и въ дѣлѣ Пальмеринъ оказываеца подражаніемъ Амадису. Пальмеринъ мнѣе мѣжду прочимъ зо сходство съ Амадисомъ, это также породилъ длинный рядъ романовъ, козорие героями были дѣти и внуки его героя.

Такъ вскоре появилось (въ 1516 г.) по продолженіе, написанное той же шевской рукой, подъ заглавіемъ „Вторая книга Пальмерина“ (el segundo Libro de Palmerin), гдѣ разсказываеца о подвигахъ его сыновей, Прималеона и Полейдоса!¹⁾

Первымъ въ ряду подражаній являеца Пальмеринъ Англійскій („Palmerin de Inglaterra“, Мадридъ, 1547 и 1548 гг.) Луиса де Уррадо. Главнѣйшій герой этого романа — сынъ Дона Дуэрре или Эдуарда, короля англійскаго и Ирландіи, дочери Пальмерина Шливецкаго. У Пальмерина Англійскаго, какъ у Амадиса Галскаго, великаго провозина всего этого

¹⁾ Приключеніи Прималеона и Полейдоса написаны въ томъ же духѣ и стилѣ; за ними слѣдуютъ приключенія Палазира, внука Пальмерина, написанные впервые около 1532 г. Вѣтшныя эти не осваиваютъ никакого соотншенія относительно подражанія Амадису, хотя сродъ гораздо нѣше своего образца.

класса произведений, главными героями являются два брата: Пальмеринъ, рыцарь во полномъ смысле этого слова, и Флорисанъ, — зинъ данскаго угодника. Какъ и въ Амандеъ, здѣсь есть свой мудрый волшебникъ Деліанъ, и свой опасный оуборъ, и въ главныхъ образахъ слугающае съ героемъ самая придуныя приключенія.

Судьба „Пальменира Англіискаго“ весьма оригинальна. Долгое время оубавляе не разрешеннае въ вопросѣ, быль ли его подлинникъ написанъ на французскомъ или португальскомъ языкѣ, такъ какъ древнѣйшіе извѣстные экземпляры его были: 1) францускій Мака Венсена 1553 г. и италіанскій Мака Фрино Розе, 1555 г., оба етужавшіея переводами съ испанскаго; и 2) португальскій Моразса, 1567 г., слѣдующій переводомъ съ французскаго. Вообще, произведение это приписавали Моразсу, жозорый, какъ полагаемъ, во время своего долгого пребыванія во Франціи, имѣль случай сообщитъ свою рукопись французскому переводчику. Наконецъ, однако быль найденъ экземпляръ испанскаго оригинала, написаннаго въ Толедо въ двухъ частяхъ въ 1547 и 1548 г. Изъ нѣсколькихъ стиховъ поевдиченія къ издателью, бы при помощи акросуила узнаемъ, что авторъ книги — Луисъ де Муртадо,

современный Шоледский поэтъ.

Пальмеринъ Англійскій, это соперникъ Амадиса Галскаго и наиболѣе опасный изъ вѣтъхъ, ему предшествовавшихъ. Въ нѣкоторыхъ отноше- нияхъ Пальмеринъ озмлаеетъ даже выгоднѣе отъ разо^мъ оу своего образца. Здѣсь мы находимъ болѣе отзвѣчивости къ красотахъ природы, болѣе непринужденности діалога и въ тоже время пре- восходную описовку оуцѣльныхъ характеровъ. Но за то и недосадики его болѣе крупны: ходъ дѣй- ствія не имѣетъ той зибности и естественности, ко- торыми озмлаеетъ Амадисъ. Пальмеринъ слии, кокъ обречененъ многисрвохъ рыцарей, сражений, поединковъ, подвиговъ, выростивъ на погвѣ изу- гениа подлинныхъ лтозписей Англии и слуша- щихъ повѣхъ доказательствовъ связи, существую- щей между старинными хрониками и древнѣи- шими романами. Сервантесъ оуноситъ къ Паль- мерину съ величайшимъ пошесіемъ: „Зу пал- му Англии“, говоритъ свдценникъ, „слѣдуетъ по- изадухъ, какъ всегъ еднелубеннуо въ своемъ родѣ и едѣлахъ для неа ячмисъ, подобный найденному Александромъ Великимъ среди сокровищъ Дарія и предназначенному имъ для хранения произве- деній Гомера.“ — похвала слии^{ше}ко^{ше} увеличенная

и казнулася нашь замерь неосновадельной, но зьшь не менше свидзельсзубуюцад о популярносзи, которой пользоваель зрозь романы въ эпоху повьлений Донъ-Кихота.

Хозя Пальмеринъ Англійскій ближе вьшь по дозо, иньвалъ къ общему шкъ проозизну, Хозя закимъ образомъ, не смозръ на вьшь дозоиньзва своего родона, калонника, семейсзубо Пальмериновъ не могло соперни, газъ съ покольненьемъ Амадиса въ славь и популяр, носзи, однако оно иньвало закше важное вьднне на испанскую литературу и способзубовало къ повьлению новыхъ романовъ, возбуждающихъ удивление своимъ многесзубомъ, длиннозубо и нелъносзуби. Месгизъя переводныхъ, однихъ гисро-испанскихъ рыцарскихъ романовъ, издаанныхъ въ XVI столъзиз, надерезъ, кро, нъ первыхъ двухъ семейсзубъ, до сорока. Мькозуборые изъ ззихъ романовъ были и на полкахъ Донъ-Кихота, какъ: „Беніаниесъ Грегескій“, „Оливанъъ Лаурскій“, „Фрмо, риспанъ Турканскій“ и пр.; другіе, какъ: „Славнойъ Ры, царъ Сифаръ“ или „Храбрыйъ Рыцаръ Кларидальъъ“ не воз, буздають никакого иньтереса. Вьшь они заслуживають полного забвения, какое и поззигло ихъ, Хозя въ свое время нъкозуборые изъ нихъ славились почти парав, нъ съ своимъ родонакальниками.

Не ограничиваель оригинальненьми романами,

Испанія передѣлывала и переводила многое изъ франк., изъ испанскихъ, и эти передѣлки и переводы составили одну изъ любимыхъ частей ея литературы. Эта отрасль словесности въ короткое время необидительно расцвѣтала, и цвѣтала, какъ бы скоро приобретенный рыцарскими романами, не оставявъ ихъ въ теченіе гораздо длиннѣйшаго періода. Книжки были въ большомъ ходу въ XVI столѣтіи; въ XVII-омъ отъ нихъ во весь классъ народа и въ XVIII-омъ все еще читался съ увлеченіемъ, какъ это дѣйствовало на воображеніе испанцевъ не менѣе двухъ совъ моря безире, равно. Число рыцарскихъ романовъ, въ самую цвѣтущую ихъ эпоху, возросло до семидесяти романовъ, въ мѣсяцъ.

Такой цвѣтъ рыцарскихъ сказокъ въ нѣкоторой степени объясняется самъ собою въ сраженіи, гдѣ закованъ и гудитъ рыцарскій мечъ и глубоки корни. Задолго до подвизанія этихъ романовъ, Испанія была по преимуществу сражаемою страной. Маврскія войны, обращавшія каждаго дворянина въ рыцаря, не только не вели ее къ этому; къ этому же сраженію и духъ общины, когорны, въ ближайшій періодъ, предводилъ, сражались бароны, давшие долго независимыи въ своихъ замкахъ. Мы находимъ дѣла въ закоулки поэмныи еще въ XIII столѣтіи, когда кодексъ Альфонса

мудраго своимъ поучаювлениѣми выразили почти
 такое же сродное одицество, какое изображаетъ намъ
 „Владимъ или „Пальмеринъ“. Поэма о Сидѣ, хотя не
 прямо, но еще рѣзче, рисуетъ подобное же положе-
 ніе страны въ вѣкъ, еще оудаленнѣйшій, не говоритъ
 о множествѣ романсовъ и преданій, сохранившихся
 ясныя слѣды одицественного быта въ XIV столѣтіи.
 Но XV столѣтіе уже все проникнуто рыцарствомъ
 и выражаетъ рыцарскій духъ въ формахъ вавановъ
 и зорисеветновъ. Опасные дурниры, въ козорохъ при-
 нимаю чужіе первѣйшіе люди въ государствѣ, а
 иногда и сами короли, происходили безпрестанно
 и описывались въ лѣтописяхъ какъ великія событія.
 Въ царствованіи Хуана II, на дурниры при Обриго,
 нѣздествъ рыцарей готовы были рисковать жизнью изъ-
 за какой странности, какаѣ когда либо приходила въ
 голову сочинителямъ романовъ, и это было вовсе не
 одицественной службой. (Походивенія испанскихъ вѣдъ,
 зей не ограничивались родного поговя: въ зо же цар-
 ствованіи два испанскіе рыцаря пробыли въ Тур,
 гундито, объявляя себя искаженными приключеній и
 слышавъ эгозъ подвигъ съ чудесувіемъ въ Феруса-
 лимъ — какъ священно было по ихъ понятіямъ рыцар-
 ское ремесло. Даже во времена Фердинанда и Изабел-
 лы, извѣстный секретарь ихъ, Фернандо дель Пулсгаръ,

упоминается о итальянских знаменитых дворянах, которые пущались сражаться по иносудавным во сударствамъ, тогда повторяется оруженъ со великимъ рыцаремъ, козороку будеть угодно сразится съ ними, и дакимъ образомъ сѣямаъ какъ себѣ самимъ, такъ и касимбскимъ дворянамъ боодитъ славу храбрыхъ рыцарей." Такъ сражаются герои азлевы по различнымъ сражанамъ и представляются въ циркахъ.

Сраженье къ романамъ въ XVI столѣтїи развива была въ Испанїи болѣе, нежели гдѣ либо. Народная поэзія испанская бездѣе проникнула этого сраженье, оу романсовъ, оставшихся донынѣ въ память просомодниковъ, до сраженье драматическимъ пьесъ, козорыхъ болше не гизають. Национальные нравы долго носили отраженіе этой сражени. Даже сраженье законы гоборять о ней слишкомъ ясно. Днейсвѣдѣно, сраженье къ рыцарскимъ романамъ до такой степени готалаласъ обидено и опасно, что въ 1553 году было запрещено печатать иль, продавать и даже гизать въ американскихъ колонїяхъ, а въ 1555 году собранїе кортесовъ усердно хлопотало, тогда это запрещенїе было распространено и на Испанїю, и тогда все существовавшие экземпляры рыцарскихъ романовъ были публично сожжены. На, конецъ, спустя полтора, "Донъ-Кихотъ", произведенїе величайшаго гения Испанїи, свидѣтельствуетъ какъ,

дого своего сраженнаго о французской сраженнаго испан.
царствъ въ рыцарскія романы и дѣлаея въ то же
время палатинскою или надеждою.

Испанскіе поэты италійской школы.

Въ послѣдніе годы безпокойнаго царствованія
князя Хуана II и въ слѣдующую эпоху его преемника
Темриха IV наука и литература въ Испаніи пришли
въ большой упадокъ. Провансальская школа пересѣла
судебсудована, а подражаніе ей на касилъскомъ яз.
къ не имѣли цѣнныя. Пресмытое вліяніе Италіи,¹⁾
сверхъ озиданія мало плодотворное, было давно за,
было, и возъ за охудебствѣе лучшихъ и сильнѣйшихъ
подужденій вездѣ и вроду распространяея вліяніе
придворныхъ нравовъ и вкусовъ и, какъ результатъ
придворной ^{affectation, gegenständ} гонимости и эмигра, возникаея мода,
фонная поэзія, вѣд основанная на игрѣ словъ и ис,
художественности.

Не многимъ лучше было въ это же означеніи
и царствованіе Фердинанда и Изабеллы: правда, кни,
попечаланіе и возродившееся уваженіе къ класси,
ческой древности создали новыя условія народнои
культуры, какія ей прежде не доставало; и въ
то же время основаніе Хименесомъ университета
въ Алкаль (1500 г.) и возобновленіе университета
въ Саламанкѣ, влывея въ зрѣданы законныя ученія,

¹⁾ какъ это между прочимъ доказываетъ поэма "Лабиринтъ"
поэта Хуана де Мена (1411-1456), подражаніе Дантовскому
"Адъ".

как Пэзрь Марзирь, Маринео, Лебрила и Барбоза, должи, ны были, конечно, оказано влияние если не на эстетический вкус, то во всяком случае на умственное развитие страны.

От времени до времени проявляются еще следы пресиней энергической и безразличной деятельности во всяких произведениях, как "Целесудина" или "Сванси" Манрико; во то же время старинные романсы и дру. где были народной поэзии по предмету привлекают симпатии народной массы. Но в образованных классах обидея — как это доказывают сборники поэмы и вообще вся поэма печальная и безразличная времени Фердинанда и Изабеллы, — вкус упал в значительной степени.

Первый толчок к лучшему положению дала была сообщение Изабеллы. Изабеллинское влияние было исторически неизбежно: ^{еще} перед восшествием на престол Карла V между Изабеллой и Испанией завязались отношения, отчасти благодаря завоеванию Неаполя, отчасти и по другим причинам. Между папской курией и двором Фердинанда и Изабеллы установились правильные дипломатические отношения, в число испанских послов на папском дворе сына пап.

1) Этой сошлал ее до судного всякому чуждому иностранцу ее перевели на уни. версальский латинский язык.

Итальянского маркиза де Сандрильяно и отца поэта Барсилласо де ла Вега. Изабеллинские университеты по

1) драматургическая пьеса неизвестного автора; в ней 21 действие; в 1571 г., после первого ее выхода в свет (1499 года), эта книга вышла в 17-й раз из печати. Она была известна в Англии, Германии и Италии. Трижды она переведена на итальянский и французский языки и, наконец,

по преемству дають призовъ мнозесрву испанскихъ езу.
 деновъ, которые все еще не удовлетворяютъ зѣль выс.
 шимъ образованіемъ, какое имъ могла предсказыватъ ихъ
 родина. Испанскіе поэты, какъ напр. Хуанъ де ла Энси,
 на и Торресъ Нахарро, подобно проживаютъ въ Римъ
 и Неаполь и здѣсь пользуются всеобщимъ уваженіемъ.
 Въ Неаполь же въ число лучшихъ друзей литературы и
 науки считался древній испанскій родъ Давалосъ, ко.
 торой и поддерживалъ духовную связь между отъыми
 странами...

Наряду съ оудомыслими случаями сношеній между
 Испаніей и Италіей, чрезвычайной событія сблизили
 между собою національные интересы отъихъ странъ
 и заставляли ихъ зорко слѣдить другъ за другомъ. Дого.
 воръ 1503 года и блестящія успѣхи Гонзалеса Кордуан,
 скаго оудали Неаполь въ полное распоряженіе Испа.
 нии: болѣе сполно испанскіе вице-короли управл.
 ли имъ съ цѣлою полното испанскихъ чиновниковъ,
 и между ними бы нередко верховала писателей, ка.
 ковы напр. Аргенсолаъ и Кеведо. Со возмущеніемъ
 на престолъ Карла V обнаружилось, что онъ сдѣлалъ
 се обладателемъ всей Италіи; и возъ заманчивая равни.
 ны Ломбардіи стали театромъ первой великой евро.
 пейской борьбы: здѣсь должна была решиться участь
 почти цѣлой европы и главнѣйшимъ образомъ Италіи;

здесь столкнулись два юных и пылких государя Европы, горевшие лихорадочной сопернической и жаждою славы. Возв пошел в 1522 года, — когда началась война между Франциском I и Карлом V, — и до злополучной битвы при Павии в 1525 г., весь мир, какими тогда могла располагать Испания, были перемещены в Италию и здесь подверглись в значительной степени влиянию итальянской культуры и цивилизации.

(Однако) жизнь не ограничилась сношениями между двумя странами: в 1527 г. сам Рим на время подпал испанскому владычеству, и папа, как протестант, был французский, стал пленником императора. В 1530 г. Карл, окруженный блестящими испанскими дворами, взорливо явился в Италию: во главе своего войска отнял свободу самоуправления во флорентин и возобновил принципат в Медице, а с этими именными папой заключил мир. Своей мудрой и умелой политикой отнес чужеские отнюдь к другим государям Италии и завершил ряд блестящих успехов, заслужив того же папу, который года три тому назад был его пленником, короновал себя в присутствии знаменитых лиц обеих стран, как короля Ломбардии и Римского Императора.

Слава-бысть, Италия того времени всею силою своего утонченного образования и развинутой культуры могла влиять

на звать испанцевъ, которые въ зеченіе почти полудо-
лѣтій прошивали попеременно то въ Тенучъ, или Ми-
ланъ, то въ Венеціи, Флоренціи, Римъ или Неаполь.
Правда, времена Лоренцо Медичи уже миновали; но онъ
еще жилъ въ произведеніяхъ Анджели Пломбиано,
Бодрдо, Пьетри и Леонардо да Винчи. Наступившая за-
тѣмъ эпоха Лева X и Климента VII прославлена еще
болѣе именами Микелл Анджели, Рафаэля и Тициана,
Макиавелли и Аріосто, Геллдо и Салмацаро. Послед-
ній, Салмацаро, принадлежалъ по происхожденію имен-
но къ одной изъ испанскихъ фамилій, издавна поселив-
шейся въ Неаполь. ^{въ то самое время} И такъ, когда Римъ, Флоренція и
Неаполь, какъ центры литературы и искусства, досужили
своего полного расцвѣта, итальянское вліяніе прояв-
лялось отъзв въ испанской литературѣ.

Съ самаго начала XVI столѣтія выступилъ рядъ за-
лантинскихъ, преимущественно лирическихъ, поэтовъ, ко-
торые старались цвѣтущь испанской поэзіи художествен-
ное совершенство итальянскихъ формъ. Къ нимъ при-
надлежитъ пресиде всего:

Луцанъ Босканъ (Juan Boscan). У насъ мало о немъ
заставилъ свѣдѣній. На основаніи сохранившихся скудныхъ
данныхъ предполагають, что онъ родился ранѣе 1500 го-
да, вѣроятно въ 1490 г. въ Барселонѣ, и умеръ въ 1540 г.
въ Перпиньянѣ, гдѣ онъ состоялъ при герцогѣ Албѣ.

У Босканъ человекъ ласковъ и много одаренный, но въ пружинѣ. ^{Босканъ принадле-}
покойно проживалъ съ семьей въ Барселонѣ. Иногда онъ подвѣялся
при дворѣ и одно время руководилъ даже воспитаніемъ герцога Албѣ, и въ
котораго въ младшее управленіе приобрѣло такую ужасную известность. Вообще
Босканотъ предполагалъ землетрясенію жизни вѣнны наградами, ласковыми гостеприимствомъ

Боскани, зреть знахмый дворянинъ изъ Барселонн, но, свѣдѣль себя емолоду поэзи; его родной городъ издав. на слабился провансалскими и кагалонскими зруба, дурами; но Боскани предпочель тисаг на касульсколь картѣги, и это штыло нѣкозоривъ образомъ рымаго, тзе значеніе для судьбы зрого языка.

Первыя произведенія Боскана, изъ козоривъ дошли до насъ лишь немногя, написаны во вкусь XV столѣ. зія; но подь конецъ, побывавъ при дворѣ, послуживъ въ арміи, совершивъ нѣскольско пуземесувій, отъ на, всегда зевонъ себя тзео италіанскій лиферазурный формѣ. Онъ познакомилъ въ это время съ италіанцель Андрѣ Кавадзіеро (Андрѣа Кавадіеро), козорій въ 1524 г. былъ въ качествѣ посла оуправленъ Венеціей къ Карлу V и возвращелъ въ 1528 г., издалъ впоследствии сухое, но цѣннѣе и обсродзельное описаніе своего пу, земесувій. Ученый, поэтъ и оразоръ, отъ былъ влѣтѣть съ зтьель и замѣгательный государственнѣй геловѣкъ. Терзере года провель отъ въ Мемани, гдѣ отъ и познакомилъ съ Босканель. «Я какъ-то возрѣдилъ съ Кавадзіеро, разказаваель Босканель, и разговорилъ съ нимъ обѣ изднз. ной лиферазурѣ, главнѣйшимъ образомъ о лиферазурныхъ формѣхъ у разныхъ народовъ. Между прочимъ отъ спро. силъ меня, почему бы мнѣ не попробовагъ тисаг на касульскан сонезы и другія сухозворенія, какія были въ зо

У въ писель къ герцогинѣ де Сома, помѣщеннѣе въ началѣ второй книги его сухозвореній.

время во ходу у лучших итальянских писателей? От
коснулся этого вопроса не мимоходом зюско, а серьезно
убождаль меня словами опыть... Поэтомь мнть гасю при,
ходили на умь слова Навадзиеро и я сраль писатъ, срихо,
зворетия въ повошь вкучь. На первых порахь мнть предъ,
сравлялись пькозорый зрудкоеси: постростие сриха у италъ,
Янревь огемь искусственное и во многомь охлимаеуя
оуь нашего; но черезь итсколко времени — коньрь бьуръ
въ силу естественнаго прирасрйя къ содурвеннымь про,
пведетидмь — мнть показалоь, что зри срихозворетия
сзали мнть удаватся, и я продолжалъ работать съ возра,
сзатонимь усрдиемь.

Возь незначимый въ сущности разговоръ съ
Навадзиеро въ Грамадь, гдть имено Боскана возрвь..
дмьль съ мнть, послужилъ поводомь къ возникнове,
нито новой школы, козорая съ зтхь поръ приобретаеуя
рвшающее значеніе, влйя въ знигидельной степени
на характеръ и судьбу итапской поэзи. Разказы
Боскана зрвычайно интересны и не лишены
важнаго значенія: случай весьма рвдкій, гмодъ оу,
дльсткая личность могла произвеути такое сильное
влйние на литературу зного народа, какое ока-
заль Навадзиеро; "врвдъ-ли найдеуя зругой случай,
гдть бы это влйние можно было прослвдиръ закъ евро-
го и закъ зюско, какъ здтьь у Боскана.

Какъ уже сказано,

Человѣкъ матеріально обезпеченный, отъ снохой, но просиживавъ съ семьей въ Барселонѣ, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ; отъ сознавалъ свои успѣхи, какъ это видно изъ его разсказовъ, но не навязывалъ своего пристрастия другимъ, не придавалъ, по всей вѣроятности, большаго значенія извѣстности и славы. Онъ занимался литературой только на досугѣ, ради развлеченія: „я писалъ свои поэтическія произведенія“, говоритъ онъ, „не ради ихъ самихъ: они никогда не составляли для меня цѣли; они служили лишь средствомъ къ развитію моихъ способностей, тогда же легче поборошь трудность, какія имъ представлялись въ такой жизни.“ Крутъ его литературной дѣятельности былъ однако не такой дѣлать обширные, представлялъ для того времени явленіе необходимое даже въ средѣ ученыхъ. Вообще, какъ видно изъ его сужденій, онъ былъ хорошо знакомъ съ греческими и латинскими классиками и въ значительной степени проникся духомъ античнаго міра. Вслѣдствіе этого не мудрено, что онъ перевелъ трагедію Эврипида, которая однако въ печати не появилась и, вѣроятно, утрачена, и перевелъ тоже латинскіе поэты.

Положивъ въ основаніе поэтическую поэмъ „Геро и Леандръ“ византійскаго Музея (жившаго около 500 года н. Р. Хр.) и подражая притвору Теренцію, Боскани на,

1) Тамъ же, въ письмѣ къ герцогу де Сана.

2) Мовшѣю

Испанская поэзия во XVI столетии.

писаль (versi sciolti, р.е.) бѣлыми стихами подъ ямь сне заглавіемъ "разказъ въ 3000 стиховъ, которые и теперь еще можно читать не безъ удовольствія. Конечно Топгора (1561—1627), лирикъ, издѣвается въ своихъ двухъ шутивахъ романсахъ надъ „Леандромъ" Тоскана; но отъ одинаково ослѣпляетъ даже и лучший стихозборникъ.

Бѣлые стихи вошли въ употребленіе въ Испаніи одновременно съ выходомъ въ свѣтъ сочиненій Тоскана и Тарсиласо въ 1543 году; „Леандръ" Тоскана и „шутки, все посланіе" Тарсиласо, начинающееся словами: „*Señor Toscan pien tanto gusto tiene*" впервые написаны бѣлыми стихами. Въ Мадридѣ изобрѣдатель ихъ сдѣлалъ обыкновенно Терисико (въ его „Соронисидъ" 1512).

Наиболѣе значительнымъ трудомъ Тоскана является его переводъ извѣстной итальянской книги „Царедворецъ" или „Придворный" (*Il Cortigiano*), сочиненіе графа Балсу, азара Касуильоне. Тарсиласо пригласилъ Тоскану подлинный текстъ вскорѣ по выходѣ его въ свѣтъ, и Тосканъ не ревелъ его „лишь по настоятельной просьбѣ друга". Очень возможно, что кто-нибудь изъ нихъ былъ лично знакомъ съ авторомъ этой книги, такъ какъ графъ Касуильоне съ 1525 и по 1529 годъ проживалъ въ Испаніи, въ кастильскѣ послѣ папы Климента VII, и умеръ въ Толедо. Какъ бы то ни было, итальянскій оригиналъ „Царедворца" былъ приготовленъ въ Испаніи въ печати и впервые вышелъ

въ связь въ 1528 г.; вскорѣ заглавнѣ Босканъ изглаголюя свой переводъ, который однако подвиглся въ печать только въ 1534 г. Переводъ не отличаясь зогносуро: буквальную передачу языка Босканъ считалъ даже какъ бы унизи, зельной; но языкъ ^{его} перевода удивительно плавный и легкій. По мнѣнiю Гарсиласо, переводъ гизаеся какъ ори, гиналь; "а двума спользиемъ позднѣе испорки Моралесе отзывается о немъ въ закиль выразенiяхъ: „Тридвор, мой" разсуждаеся въ Шралии, гдѣ онъ родилея, не лучше, чѣмъ въ Мепании, гдѣ Босканъ какъ образцово его пред, срабилъ," и Дюмонсонъ назвалъ эту книгу лучшимъ кодексомъ въ Шривоеси.³⁾ И въ самомъ дѣлѣ, мы мо, зелье признаеся, что въ это время на касуилскомъ нарѣчiи ничего не было написано закиль класите, ски-законченнѣмъ едилемъ, какъ эрозъ переводъ Бос, кана.

Лучшее и призывъ наиболѣе оригинальное изъ сти, хозворенiй Боскана — это послѣднее: „Аллегорiя" или Царство любви". Оно начинаеся блестящимъ описанiе, емъ „Суда любви" и гиего испанскимъ представленiе, емъ о бразидебности ему „Суда Ревности"; осязательная часть сужихозворенiя повѣствовательная: здѣсь разсказы, каеся, какъ „Судъ любви" оуправляеся въ Барселону посланниковъ въ двумъ дамамъ, которываказываеся подчинився его власти; гтодъ склонивъ ихъ къ любви,

1) „Великiй разъ, гизаея эту книгу" — говориъ отъ въ писемъ къ дотчѣ Харониль Палова де Алкаговаръ, приложенномъ къ Босканову переводу — „а не могу себѣ представить, гтодъ она была когда-лидъ написана на другомъ языкѣ."

2) Ср. Моралесе, Визуиденiе о касуилскомъ языкѣ. Obra de Oliva, Madrid, 1787 г. II.

3) Ср. Boswell's, Life of Johnson, ed. Croker, London, 1821, T. II. p. 501.

новенно, однимъ изъ послѣдовъ держитъ длинную рѣчь, затѣмъ, поти почти половину стихотвореній, которое на зрѣнь неожиданно обрывается. — Это стихотвореніе написано въ геезе какихъ-то двухъ дней изъ Барселона; это не больше какъ очень милая и веселая бездылка, гдѣ абзуръ иногда очень удачно попадаетъ въ зонъ Аріосо, между рѣчи какъ другія мѣста. Аллегоріи — «Царства Любви» написана, поэтъ Осуровъ Любви въ португальскомъ эпосѣ «Лузіадъ», хотя Босканъ жилъ многими годами раньше Камозиса, абзуръ этой эпохи. По временамъ Босканъ высказывалъ въ зрѣнь, впродолженіе, весьма незначительное по содержанию стихотворенію, такое утонченное издѣлье, ка, кого не найди у самого Петрарки, быть можетъ, вышивъ, того абзуръ это стихотвореніе, которое особенно зѣе строфу, гдѣ посылъ бога любви удѣляетъ обѣщанья дамы подчиниться его власти, восхваляя сплесе и прелесть и прелесть союза, основаннаго на искренней симпатіи вкуса и чужды. Развѣ это не наслажденіе слышеть чуждымъ образомъ другъ съ другомъ, тогда много всегда одни и тѣ же взгляды, горевать однимъ горелью и радоваться одной радостью, или безъ всякой основательной причины повздоритъ другъ съ другомъ и порокомъ ни съ зого ни съ сего помирится? Развѣ не наслажденіе видѣть, какъ любовь забавляетъ насъ принимая зыскану чужды, зовъ и охотничковъ?» (У no es quisto tambien assi entenderos, ...

... en fin vuestros amores
 ¿Igualmente mudar de mil colores?)”

Въ 1543г. поэмы Боскана, съ разрешения императора, рѣ Карла V, были изданы въ Барселонѣ его вдового; въ предисловіи говорится, между прочимъ, что Босканъ самъ приговорилъ къ печати свои поэмы, опасаясь, что онѣ будутъ изданы по злымъ неполнымъ спискамъ, когорые похижило его ходили по рукамъ въ одиссеяхъ.

Сочиненія Боскана раздѣлены на четыре книги: въ первой содержится стихотвореній, написанныхъ закъ называемыми, испанскими франсами (coplas de ayre) или, какъ онъ выражаетъ самъ — касильскими разны, ромъ. Это первое его опыты, написанныя до знакомства съ Навадриеро; здѣсь мы найдемъ селскія пѣсни (villancicos), простое пѣсни (canciones) и франсы (coplas) въ стили народной формы: онѣ взды словно изъ саринскихъ пѣсенниковъ, въ когорые два изъ нихъ и дѣйствительно попали. Особеннаго значенія онѣ не имѣють; но среди оуточной шры словъ безърогаторя перьдко заки прекрасныя и удачныя выраженія, какія рѣдко удаба, мисъ поэмаъ зой еще школы въ XVI и въ предидущемъ столѣзидь.

Вторая и зретья книги занимають болшую часть тома и соудякъ цѣликомъ изъ стихотвореній въ шраль, днскомъ вкуть: онѣ содержатъ девичное зри сочета

1) См. Obras de Boscan, Barcelona, 1553, 4to f. C^l. X.

2) См. Cancionero General, 1535, f. 153.

и девять канцонъ, названную уже раньше длинную поэму „Flego у Леандеръ“, одну Элегію, два дидактических посланій, написанныя въ герцинии и наконецъ полно, въсхваляющее — полупаллегорическое стихотвореніе во сто фидицаръ иль суроръ, написанныя въ окзавали.

Изъ этого перечня легко убедиться, что въ стихотвореніяхъ Боскана, по крайней мѣрѣ относительно формы, нѣтъ ничего общаго съ преименъ національной касфилтской поэзіей; особенно сонеты и канцоны представляють себѣ, видное подразнаніе Петрарки; заковы двѣ канцоны, на гимнастициея словами „gentil sonoga mia“ и „Claros у fres, sos rios“: они во многомъ напоминають двѣ извѣстныя, шіа канцоны пѣвца Лаури, в.е. Петрарки! Въ большей частіи этихъ стихотвореній сказывается однакожь густо испанскій характеръ, козоровъ знаменитно искупають в.в. ную подразнаженную со сфороны формы. Босканъ ила, гаетъ краски больше сльлого рукой, гльмъ его италіанскіе угуель; но у него нѣтъ зого издичесва, зой законченно, сри сльмъ, козоровъ гакъ обаврелсны въ италіанскіихъ образцахъ и вльмъ съ зльмъ гакъ недослгелны даме въ сакль икусенныхъ подразнаніяхъ. Кроме зого подразнаженна канцоны Боскана срадають излишней и пез, мльсзной мрото словъ; но зого недослгелка нѣтъ въ его хре, красныхъ, полныхъ пльзности, сонетяхъ.

Элегія, озаглавленная „Capitolo“, содержитъ въ себѣ

больше, чѣмъ слѣдуетъ, остротѣ и утѣсненности, она сблизилась скорѣе съ ранними филозофическими Боскана, чѣмъ съ его позднѣйшими произведеніями; она посвящена его возлюбленной и при всѣхъ своихъ недосадахъ со, держающа мѣся, дышащая неподдѣльнымъ нѣжностью и безыскусственнаго прелестью. Изъ двухъ дидактическихъ посланій — одно безсодержательно и исполнено аффектаціи; другое, посвященное маскиному государственному мужу, поэту и воину, Диего де Мендоза и написанное во вѣкъ Тораций — остротѣ, глубокомысленно и заманчиво. Наконецъ слѣдуетъ „Аллегорія“ или „Царство Любви“, лучшее и при томъ мажорное оригинальное произведеніе Боскана, которое мы уже разсмотрѣли.

Все разсмотрѣвъ, можемъ сказать, что Босканъ могъ бы служить для остротенной литературы Боскане, чѣмъ онъ служилъ: его поэтическое дарованіе было, правда, не изъ выдающихся; однако онъ вѣрно подмѣтилъ упадокъ испанской поэзіи и справедливо видѣлъ единственное средство къ ея возвышенію въ томъ, чтобъ сообщить ей идеальной характеръ и придать классическую форму, которыхъ она еще не знала. Для этого онъ обратился за образцами къ поэтамъ греческимъ, больше совершеннымъ, чѣмъ писатели испанскіе; но эти поэты, благозвучно вліяя на свою родную литературу, конечно, не могли положить прочнаго основанія литературной

школы в Испании: здесь такая школа не могла быть ни догматичной, ни влиятельной. Таких образцов полей зрения для Босканы были невозможны. Ему удалось ввести в Испанию одамадизацию, т. е. бисекую строфу, сонет и канцону в форме, выработанной Петраркой; сверх того отъ усвоилъ Испанию жанръ оскую ферицину и збуеную окраву Бокканцио и Аривосо. Эти эти формы ошлиаюся изъяснительно и вьисольно и вь знаменитой степени обогатили срихотворные размеры, внеся вь нихъ разнообразие и музыкальное, неизвостное до сихъ поръ вь Испани. Идуи далье этого Босканъ не могъ: своеобразный духъ италъанской поэзии закъ имъ нельзя было усвоить Кабалони или Касилии, какъ и Германии или Англии. Но каковы бы ни были цели и плана Боскана, отъ нихъ закъ долго, что еаль вьидельныхъ оуоществление, конечно, насколько это было возможно.

Переводчикъ Петрарки, "Царедворца" (Cortigiano) Ка. срилсонте, "Вратидовыхъ зрачиди" и ларинскихъ поство, Босканъ первый писалъ, ситоду италъанскими образцами, сонеты, канцоны, элегии, и ему же принадлежить оригинальное, ирично испанскими духомъ проникнутое произведение подъ заглавиемъ "Аллегория" — "Царство любви". Ситало и удачно подражая лучшимъ италъанскимъ образцамъ того времени, отъ сдѣлался главою поэтова

этой эпохи.

У Боскана были друзья, который сь самого начала дѣйствовалъ сь нимъ заодно, но обладая болѣе широкими талантами, легко превзошелъ его, возведя изъясненское срихоложеніе на такую высоту, какой оно никогда болѣе не достигало въ испанской поэзіи. Этотъ другъ былъ:

1503—1536.

Тарсилласо де ла Вега (Tarsillas de la Vega). Онъ родился въ Толедо въ 1502, принадлежалъ по происхожденію къ древнему дворянскому роду старейшей Менации и велъ своего родословную ось времени Сиды. Имъ, въ этой фамилии въ зрелые мексиканскія срихоложенія занимали воевѣя дальнее по управленію Кастиліи. Поэтическое преданіе рассказываетъ, что одинъ изъ его предковъ получилъ прозвище Вега и девизъ въ гербѣ "Ave Maria" по слѣдующему случаю: при осадѣ Грамады, въ виду обилия враждебныхъ войскъ, онъ увидѣлъ набрекаго воина, который, издѣваясь надъ христіанской религіей, волочилъ по землѣ привязанную къ лошадиному хвосту хоругвь съ надписью "Ave Maria"; это преданіе сохранилось въ прекрасной старинной балладѣ и дало содержание одной изъ пьесъ изъ вѣснаго испанскаго драматурга Лопе де Веги. Во вѣдкомъ случаѣ Тарсилласо носилъ имя, прославленное предками и сь мужской и сь женской стороны: его мать была догерцо и единственною наследницею Фернана

1) Вега — равнина.

Переса де Тусманъ, а отецъ служилъ посланникомъ католическихъ королей въ Гибль въ то время, когда неаполитанскія дѣла были особенно затруднены.

Въ Толедо же, гдѣ Гарсильясо родился, каменья, отъ и воспитывался до дозрѣвѣнія совершенно лѣтъ. Затѣмъ отъ былъ посланъ ко двору и семнадцати лѣтъ отъ роду опредѣлился въ гвардію молодого императора (Карла V): это было для него сродско же милосердію, скальско и гесрью, чьтъль болъе, что его братель Педро былъ замкнать въ возрѣніи соитиненос и бѣжалъ изъ оземсерва, какъ мдзесинимъ, преслѣдуемъ законнои. Военная карьера Гарсильясо началась какъ разъ во время этой злополучной войны: отъ храбро сражался въ арміи и въ одной дѣлѣ" было даже раненъ въ лицо. Въ 1522. отъ же, милля на значной дѣлѣ, жившей при дворѣ вдовсвду, жоней королеви португальской Элеонора, сесвря Карла V. Въ это время отъ сосралъ при особѣ короля, кождо, рязо сопровождалъ въ Мхалино и въ 1522. присут. сзвобалъ при его коронованіи въ Болоньѣ. Получивъ въ видѣ награды за службу значительную прибавку жалованья, отъ возвратился въ Испанію. Въ это время королева Элеонора вышла замужъ за короля фран. изузскаго Фрэнциска I, и Гарсильясо былъ посланъ въ Парижъ съ цѣлью собрать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ столицѣ и пограничныхъ мѣстахъ, гдѣ плахо

залыченная рана, нанесенная поражениемъ и плънкомъ Франциска, угрозили вновь раскрыться. Это миссия была очень непродолжительна, и въ 1531 г. мы видимъ его снова въ Испаніи.

Затѣмъ герцогъ Альба¹ постарался, чтобы Тарсимъ, все соупрековалъ ему въ похвѣтѣ, предпринятой съ политическою цѣлью въ Вѣну. Но въ это самое время плѣнникомъ поэта, Раймонъ оръ всталъ кромѣ дяди, обвѣнчался съ придворной дамой императрицы, метициной знаменой и очень богачей, гораздо богаче его самого. Бракъ ограничился однимъ лишь церковнымъ обрядомъ и вызвалъ общее негодованіе родныхъ и друзей дамы, въ то время еще очень молодой. Совершенный свѣдѣла Тарсимъ все, бракъ зрѣлъ и послужилъ причиною немилости къ нему и къ разору. Но насъ удивительной преслѣдѣ герцога Альба Тарсимъ все-таки продолжалъ жить оръ Париза до Вѣны; но по прибытіи туда отъ него были заключены въ тюрьму на какомъ-то островкѣ Дунай.

Однако его заключеніе было непродолжительнымъ: мѣсячомъ 1532 года ему возвратили свободу, и отъ ъвилъ въ Неаполѣ съ братомъ герцога Альба, Педро де Толедо, получившимъ вазиный посылъ вице-королѣ. Тарсимъ, все сразу вошелъ въ добротѣ къ своему повелѣю покровителю: въ 1533 и 1534 годахъ отъ ъвилъ изъ Не-

1) оръ самый, воспитатель короля, котораго сохранилъ и въ то время Франциска и котораго генералъ уже давалъ гнѣбу своему будущую силу.

аполл въ Барселонѣ съ вассальны полужическими пору,
ченіемъ. Въ 1535 г. онъ предпринялъ принимать участіе
въ Тунисскомъ походѣ, предпринявъ съ цѣлью сокры,
тиръ однимъ ударомъ погубить это разбойническое
государство; въ одномъ горячемъ дѣлѣ подъ стѣнами
города онъ получилъ двѣ раны. Товарищемъ его боевой
жизни былъ Диего де Мендоза, будущій историкъ Тра,
надн; въ это же сраженіи оубѣдъ, къ козороку они ири,
надлежали оба, удачноя получилъ попомъ оуб само,
го императора, вбившагося въ нему на барулку въ
ту самую минуту, когда ему уже грозило полное по,
раженіе.

Позомъ Таремьясо огеиъ зоронисъ вернурсъ въ
Неаполъ, гдѣ въ то время собрался цвѣтъ рыцарства
по случаю бракосогатія дочери императора съ герцо,
гомъ Флоренцискимъ. Здѣсь, среди зрѣлищъ и празд,
нествъ, Карлъ V похвалъ конь на зурниралъ и, одваый
въ мабризанскій косятомъ, лично принималъ участие
въ бѣгъ бѣговъ. Этого періодъ былъ самый блестящій въ
жизни Таремьясо: въ герц императора здѣсь собра,
лись все великіе итальянскіе монархи, касяю лично,
касяю черезъ своихъ предхавителей: Этого періодъ былъ,
безъ сомнѣнія, и въ жизни Таремьясо самый блестя,
щій: онъ былъ окруженъ здѣсь всею, что только
могло быть для него привуно; онъ при этомъ пользовался

въ это время особенного благосклонности своего государя."

Весною 1536 года Тарсильясо выдвинулся въ Миланъ и Геную съ важными секретными поручениями по поводу подготавливаемаго тогда похода въ Провансъ. Походъ этотъ состоялся и для вѣнъ окончился несчастливо, а для Тарсильясо было даже роковымъ. Онъ состоялъ въ это время въ свитѣ императора; армія благополучно прошла уже черезъ вѣтъ невзгоды и опасности, вѣдѣвшія ей на долю при осадѣ Марсели и огузданна спокойно, не тревожимая озорными коннегальными Франціи Монморанси; но на пути огузданія она неожиданно напикнула на серьезное препятствіе: посланни кресьяны изъ деревушки Мюи зашли въ небольшую башню у самой дороги²⁾; императора приказавъ немедленно устранить это препятствіе, и Тарсильясо съ радостью пошелъ выполнять это порученіе: онъ зналъ, что императоръ и армія стоятъ за нимъ, и съ рыцарскою храбростью первый взомель на стѣну; въ это время мюшко пуценой каменъ симъ его въ ровъ у подножія стѣны; рана въ голову оказалась смертельной, и недѣли черезъ три Тарсильясо умеръ въ Миланѣ 14-го октября 1536 года, оплаканъ имъ, нами арміи и самимъ императоромъ. Императоръ безчеловѣчно ошмешилъ за смерть своего любимца: онъ

1) С. в. у Дианноне, Мехорія Неаполь, Лив. XX XII.

2) Близъ Фрежюса.

приказала перебить все въ оставшихся въ шибвахъ изъ
пятидесяти кресельныхъ, вся вина козоровыхъ заключалась
развъ въ храброй запискѣ родины прозивъ гуснези,
наго взоренія. Но это Тарсильясо было перевезено
въ Испанію и погребено въ его родномъ городѣ Толедо.
По словамъ Гонгора, каждый камень въ Толедо
напоминаеть о Тарсильясо.¹⁾ X

Тарсильясо, по его собственнымъ словамъ, „прои-
чался по стъзѣ“: „Хвадасъ зо за мель, зо за перо“

(Tomando oca la espada, oca la pluma).²⁾

Сзало-бытъ, зрѣдно и ошидаетъ, что въ эта недалга, пере-
полненная приключеніями, жизнь могла охватить
много досуга для поэтической дѣятельности. Пѣнь
не менше зрозъ поэтъ оставилъ небольшою сборникъ
схилозвореній, найденный его вдовой между бумага,
ми и изданный въ видѣ резверзой книги въ конце
его сочиненій. Эти схилозворенія въ своемъ родѣ за-
мечательны, особенно если приять во вниманіе
обстоятельства, при козоровыхъ они написаны: какъ ни
была безтокойна жизнь Тарсильясо, полная при-
ключеній и походовъ, его схилозворенія отличаются
нѣжнымъ и задумчивымъ губезвомъ, и болшимъ
ишь написаны въ буколическомъ стилѣ, воспроиз-
водящемъ прелесть сказочной аркадской жизни.
Мелкоя опредѣлить съ зогностию, когда они написаны;

1) См. его Obras, 1654, f. 48.

2) Это волей-неволей напоминаетъ намъ о Теодорѣ Кёрнерѣ, немецъ,
комъ поэтъ воевалъ за освобожденіе и одъ его схилозворенія въ „Leier und
Schwert“ (Лиры и мель).

но за исключениемъ зрель — гезирель — небольшого сти-
хотворения, помеченнаго въ первой книгѣ сочине-
ній Тоскана, осязательнаго его произведенія написанаго
въ италіанской стихотворной формѣ, которая, какъ
известно, введена впервые при его содѣйствіи въ
1526 г. Такимъ образомъ все эти стихотворения слѣду-
юще озвучены въ двадцатилѣтіе между годовъ этого ново-
введенія и годовъ смерти Тарсильясо (1526 — 1536).

Стихотворения эти содержатъ изъ зрідцахи семи сонетовъ,
пѣри канцонъ, двухъ элегій, одного посланія, на-
писаннаго болыши стихами, и зрель буколическихъ
поэмъ, который объемомъ превосходятъ все осязательнаго
произведенія вышего взгляда. Одна изъ канцонъ, имен-
но зрель изъ нихъ, написана на островкѣ Дунай, гдѣ
поэтъ, какъ уже знаемъ, былъ заключенъ въ зирелью.
Здѣсь же и написалъ оныя зѣ грустныя сѣроки, въ ко-
торыхъ оплакиваетъ свое несчастье и вѣщаетъ съ зѣмъ
описываетъ красоту окружающей местности и кото-
рый какъ разъ составляетъ содержаніе упомянутой
канцонъ. Въ одной изъ элегій, написанной у подош-
вы Эрмы, поэтически рассказано о возвращеніи Тар-
сильясо послѣ Тунискаго похода въ Италію.

Первая эклога — по справедливости лучшее стихо-
твореніе Тарсильясо: она прекрасна по простотѣ
формы и неумно поэтическому содержанію; напи-

сама она, впрочем, въ Неаполь и принимаетъ обраще-
 ние къ вице-королю, оцну знаменитого герцога Мс,
 Си. Вице-король приглашаетъ выслушать жалобы
 двухъ пасуховъ, изъ козоровъ одинъ жалуетъ на невтер,
 носъ, а другой оплакиваетъ смерть своей возлюбленной.
 Завѣсь выслушаетъ съ речею Салисио, изображающей
 самого Гарсилласо; ему озвучаетъ Меморозо, и въ козо,
 рого этого слова указываютъ на Боскана.

Въ первой гледи, гдѣ Салисио жалуетъ на невтер,
 носъ своей возлюбленной, очень удачно изображена
 пасухеская жизнь; красоты природы и сельскія кар-
 тины представляются живо и естественнo, напр. въ
 слѣдующихъ стихахъ:

Por ti el silencio de la selva umbrosa, Дл ядѣя я полюбилъ шумную лѣсовъ,
 Por ti la esquividad y apartamiento Дл ядѣя я находилъ наслаждение
 Del solitario monte me agradaba: Въ уединенной жизни въ пышныхъ горахъ,
 Por ti la verde hierba, el fresco viento Изъ за ядѣя сдѣлались предмѣрова монхъ
 El blanco lirio y colorada rosa И зеленъ ярава, и свѣжее вѣтра и близкая ^{меланій}
 Y dulce primavera deseaba, И яркя краски розы и сладостъ весна ^{лилий}
 Ay! quanto me engañaba, Уви! Какъ ^{я узнаю} ~~факты~~ ~~были~~ заблудился!
 Ay! quan diferente era, Уви! Какъ далеки были отъ всего этого
 Y quan de otra manera Птѣ губева, козоровъ я зашла
 Lo que en tu falso pecho se escondia? Въ зловѣ живомъ сердцѣ.

Эклога оканчивается очень живо и естественнo кар-
 тиною пасухающего берега. Эту элогу, какъ и восьмью

1) Bosque (роща) и Nemus (роща) — очевидно игра словъ.
 2) Obras de Garcillaso de la Vega, ed. Azara, Madrid, 1765, p. 5.

эплогу Виргилия, нельзя назвать диалогомъ: напроливъ, исключивъ верушицельные и заключительные стихи, остротное можно принять за два отдельныхъ элегич. Пасро, ралсвий срилс выдерсманъ въ нильс огонь сфрого, и каси, даъ по построеннлю похладнть на нралъямскую канцо. ну. Въ нталомъ это срилсхворенне дашезь свъомсерго, даше оригинальносудю, а меланхолн и задущевное куберво, которнмъ оно пропнхннузо, дълаторъ его въ выс. шей срененн пострнческнмъ.

Эплога Тарснмскеса содерннть перводко нтоса, напо, мннаторцнъ „Lucidas“ мннсзонн и зтъль древннмъ по. зфовъ, которнмъ подрасналъ абзоръ. Это доказываюць и слъдующн срилс:

Qual suela el ruiseños con triste canto
 Queharse, entre las hojas escondido,
 Del duro labrador que cantamente
 Le despoja su caro y dulce nido
 De los tiernos hijuelos, entre tanto
 Que del amado ramo estava ausente;
 Y aquel dolor que siente,
 Con diferencia tanta
 Por la dulce garganta
 Despide, y a su canto el ayre suena; 1) . . .

Какъ соловей, скразой въ зелени вьзвей, излнвалъ
 свои грущнмъ манлобы на мнсфокго земледнлсца,

1) Ibid. p. 14.

жизни разорившаго во время его оцущевия его гнѣздомъ,
ко и похищившаго его милыхъ птенцовъ; сладко звуч-
ный вопли исходятъ изъ его горлашка и далеко разно-
сятся по воздуху. Самая шумитъ ноги на въ соседнихъ
ушищахъ его горъ, и отъ продолжатель стужаванъ, призывъ,
вадъ въ свидѣтели небо и звѣзды... Такъ и я даю по-
мой прощоръ моей скорби и испускаю звездный жало,
бы на теснокую смерть, нанесишь мнѣ ударъ прямо
въ сердце и похищившую у меня предметъ моей по-
мой привязанности, свившей свое гнѣздышко въ мое
сердце."

Въ этихъ стихахъ какается мысль взвѣда изъ изъ,
божанаго поэта Эдисса; ей вполне сообразуется и
заключительная строка, придавая поеди прелесте
той мысли, которую поэты со времени Гомера считали
своею общеизвестной.¹⁾ Моекъ и Виргилій приводятъ
еще ту самую мысль; но для насъ интересно, что
она также встречается и въ «Леандръ Боскана, а
это всего интересно, — въ одной лизовской дайме,
которую я перевелъ на латышскій языкъ уже въ 1870 г.²⁾

Стихотворенія Таритъ-Вессо все написаны въ шкѣ
анской стихотворной формѣ: авторъ подражалъ Пужар-
къ, Белло, Ариозо и особенно Саттацару, у котора-
го раза два позаимствовалъ даже мѣтлы сурати,
мы; изрѣдка отъ обращался и къ древнимъ писа-

1) Оду. Пѣснь 19. Стр. 518—524.

2) Līga. P. mī dala.

Гельмъ, Виргилію и Оеокризу, передъ которыми бла-
гоговѣлъ. Въ дѣлѣ стихотворенійхъ, гдѣ преобладаетъ
нравственскій характеръ, поэтическое вдохновеніе Гар-
силъясо какъ бы нѣсколько сгущено; и все замѣ-
тно несомнѣнно поэтъ съ недюжинными даровані-
емъ. Это дарованіе сказывается даже въ самыхъ рѣдкихъ
его подражаніяхъ, но съ особенною силою проявляетъ
ся тогда, когда поэтъ, какъ въ первой Эклогѣ, возмунъ,
съ въ соперничествѣ и подвѣждаетъ дѣлѣ образцовыхъ
писателей, которыхъ обыкновенно замѣчаетъ усердно слу-
шать, и пишетъ какъ истинный испанецъ со всею
чуждою національнаго испанскаго характера.

Стихъ Гарсилъясо необыкновенно мелодиченъ
и вполне созвучиваетъ поэтичному и метафизическому
содержанію его стихотвореній. Во второй Эклогѣ онъ
сдѣлалъ довольно оригинальный опытъ, рѣшивъ не окон-
чать двухъ стиховъ, а кончить одной строки съ середи-
ною другой, напр.: *Albano, si tu mal communi caras*

Con otro que pensaras, que tu reina

Insigara como agena, o que este fuego etc.

Но это ему не вполне удалось; ибо замѣтъ, гдѣ рѣчь
слышна ясно, она звучитъ непріятно; а гдѣ она едва
слышна, замѣтъ стихи кажутся бѣлыми. Печать не
меньше Сервантеса и немногіе другіе подражали
ему въ этомъ. Вообще Гарсилъясо выработалъ себя

закой музыкальный стиль, что его вряд ли кто превзо-
 шель во время озношения. Его стихотворения имели
 большой успех с самого появления; и действитель-
 ностью, они озвучаются необыкновенного прелестью и
 издательством. Образцом для него служили до извест-
 ной степени Боскань, который однако сам никогда не
 достигал до такого совершенства. Испанцы, возвращаясь
 на родину из Рима или Неаполя, приходили во во-
 згорь, найдя у себя дома то, что они заки восхища-
 лись в Мадрид, и стихотворения Гарсиласо перене-
 гивались всюду, куда только проникало испанское
 оружие и испанское влияние. Мнѣ была оказана еще
 и другая честь: мнѣ через посредство посла мнѣ подв-
 ления, Франциско Санчес, ученѣйшій испанецъ сво-
 его времени, написалъ къ мнѣ свои коммеморации, не
 изразившіе и до сихъ поръ своего значенія.

Мадридско поэме, лирической поэты Эррера¹⁾ издали
 мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ примечаніями, между коими
 были возмечены интересныя подробности, сообщен-
 ныя ему здѣсь поэты, Луисъ Каррера. Наконецъ
 въ началѣ слѣдующаго столѣтія Паламо де Варгасъ
 въ своемъ изданіи сочиненій Гарсиласо изложилъ,
 днѣ только массу ненужной учености. Впрочемъ,
 все это не много прибавило къ славы Гарсиласо, прочъ,
 но основанной на всеобщемъ искреннемъ уваженіи.

¹⁾ Herrera

Конечно, было бы лучше и для самого поэта и для отечественной литературы, если бы отъ больше образовались вышнихъ на сарматскую народную поэзію и меньше подражалъ поэзіи итальянской; тогда бы его поэтическое гениальное развилось свободнее и плодотворнее: ему открылся бы целый рядъ поэтическихъ формъ, отъ которыхъ отъ удалился, пренебрегая сарматскими национальными поэтами. Но отъ поступилъ иначе, и вступилъ съ Босканомъ водворилъ въ Испаніи итальянскую школу поэзіи, которая и заняла съ тѣхъ поръ видное мѣсто въ испанской литературѣ.

Поэзія Гарсиласо сразу нашла себѣ досужныхъ въ сердцахъ его современниковъ; его звуковыя сочетанія раздавались по всей Испаніи, а эклоги разигрывались на сценѣ, какъ народныя драмы. Не только отъ его предвѣременной смерти, возбудившей искреннее сожалѣніе Боскана, Бальдо и Урреа, упоминаются Маріана, Сантовалъ и другіе испанскіе изорники, какъ о выдающемся событіи того времени, но и величайшіе умы Испаніи преклонялись передъ нимъ: ему подражалъ Лопе де Вега, его посредственно цитировалъ Сервантесъ. Последний не разъ называетъ его «царемъ испанскихъ поэтовъ»; эрозъ Энрикеъ, усвоенный ему еще Эррерой, удержался и до нашихъ дней. Вообщемъ имя Гарсиласо дошло до насъ окруженное

заключив уважение, какое врьде ли выпадало на долю другому испанскому поэту или воодуше кому либо из его предшественников. — Наконецъ слѣдуетъ упомянуть, что свѣтъ Гарсиласо погибъ въ битвѣ съ французами шербурской или безразсудной храбрости, какой его охотѣ. Это случилось въ 1555 г., когда ему было всего 25 лѣтъ.

Принцыр Боскана и Гарсиласо на своемъ со, озвѣсуживали духу и похрежденныя времени, что и, саръ сжили въ иральянсканъ духѣ сдѣланое закѣ ие обывали, какъ и пужемсуживае по Уралли или урасъ, бовае въ иральянсканъ походае. Ганше ветае усво, иле себѣ иральянскую сжиговорную форму, виервое введеицио Босканомъ и Гарсиласо, —

Фернандо де Акунья (Кейта), происходившій изъ древняго португальскаго рода, но уроженецъ нидерландскаго, писавшій только по испански. Годъ его рожденья не извѣстенъ. Сообщено лишь, что онъ служилъ во Фландрии, Уралли и Африкѣ, и когда по завоеваніи Португалии въ 1535 г. гарнизономъ произвелъ возмущеніе, Акунья былъ посланъ жуда императоромъ съ неограниченною властью казнить и миловать. Это порученіе онъ выполнилъ съ большимъ сдержанностью и великодушіемъ. Онъ умеръ, какъ собораръ, въ Гранадѣ въ 1580 г., охраняя унаследованное право на званіе

испанского гранда.

Акунья пользовался особым расположением императора: президентом сохранившимся Карль V, вна-
да под влиятельное болтовни въ краткое настроение
духа, развлекался, переводя испанской прозой попу-
лярную въ то время французскую поэму. Chevalier
"Delibeté" (Рыцарь рыцарственный). Авторъ ея, Оливье де
ла Маринь, сохранился на службе при дворе Марии Бур-
гундской, бабки императора; въ своей поэме онъ далъ
такое легкое аллегорическое описание событий изъ
жизни ея отца, что она стала ласкает предметомъ всеоб-
щего удивления въ то время, когда Карль восмущивал,
ея при блестящемъ дворе Марии. Но императоръ со-
знавалъ себя не въ силахъ придать своему переводу ту
легкость, какою ему хотѣлось бы облетъ касимовскіе
стихи, хотя переводъ интереснаго ризказа объ его дѣт-
ствѣ и вышелъ гораздо удачнѣе, чѣмъ бы можно ожи-
дать, и имѣя въ виду скудость полученнаго имъ образо-
ванія. Поэтому онъ передалъ свой прозаическій пе-
реводъ въ рукописи Фернандо-де-Акуньи, поручивъ
облетъ его въ сообразнозвучную издичную поэме-
скую форму.

Какъ придворный, хорошо знакомый съ придвор-
ными нравами и вкусами, Акунья былъ именно
такой человекъ, который могъ удачно выполнить это

деликатное порупение. Мракъ отъ кое-что выисривъ,
 кое-что прибавилъ, введя между прочимъ лесныя на-
 леки на Фердинанда, Изабеллу и Филиппа, отца
 Карла. Подъ заглавиемъ, Cavallero Determinado (Рыцарь
 рѣшительный) Акуня переложилъ, царезвенную про-
 зу старинными двойными пндисривими (Quintillas)
 и при этомъ зажилъ гисривъ и прекраснѣе азвонкъ, ка-
 кой рѣдко можно встрѣтитъ когда бы то ни было въ Ис-
 пании. Поэма эта, въ 379 страсовъ, каидий въ 10 коровъ,
 килъ стровъ, имѣла большой успѣхъ; успѣхъ зрѣлъ коимъ,
 но приписавъ гасриво зому рвенію, съ какииъ вздѣя
 за это дѣло владелитѣль страскихъ земель, негласное уча-
 сгѣе козорого въ переводѣ было очень значительное; га-
 сгѣе — глубокомысленной аллегоріи, составляющей за-
 слугу де ла Карша, наконецъ — гладкому и прелест-
 ному стилю, принадлежавшему всецѣло Франсуа де
 Акуни. Книга эта была займо передана Карломъ въ
 видѣ подарка Бѣдному ученому и дворднику Ванъ-
 мале (Van Male), проводившему нѣрѣдко ноги въ сна-
 нѣ императора и оказывавшему ему помощь въ его
 недугахъ. (Ванъ-Мале" и сообщается весь озносидіеся
 сюда факты.) Загѣе, запривъ упоминае о себѣ въ
 предисловіи, императоръ велѣлъ ему начертать
 ее зажилъ роскошнѣе издание, что Бѣднѣй
 ученѣй ошидаль себѣ генеритого удазка отъ зрѣго

1) по латини Malinagius, а по испански Malinez.

подарка. Первое издание „Cavallero Determinado“ вышло в 1552 г.; оно посвящено, разумеется, императору и написана с латинскими стихами Вань-Мале. Вообще поэма считается очень популярной и за полвека, поэзия выдержала семь изданий. Она во многом та, по-прежнему общепонятную немецкую поэму, „Темпл данк“, где прославляется добродетель Максимилиана I до его свадьбы на Марии Бургундской; подобно Cavallero Determinado и эта поэма центральным своим объектом отчасти прекраснейшие трагедии, украшающие весь ее издания.

Несмотря на центральное „Cavallero Determinado“, де Акунья ничего больше не писал в сардинском национальном стиле; его мелкая стихотворения, собранные в небольшом томике, написаны — за исключением одного или двух — итальянскими разрывом и подчас очевидно подражая Боккаччо и Тарсильяссо; почти все они отличаются вкусом и классическою законченностью формы, особенно „Борьба Аякса с Улиссом“, где Акунья в коротких стихах подражал изданию проза, это Томера. Оно было издано также и в Шрали, и его перевод Бодардова „Orlando Furioso“ был званым самым одобрением; на родном же особенно любил его сонета и вообще мелкая стихотворения.